

АНДРЕЙ СТОЕВ

ЗА ПОСЛЕДНИМ
ПОРОГОМ
ВЕТРЫ ЗАПАДА

Литрес

За последним порогом

Андрей Стоеv

**За последним порогом.
Ветры Запада**

«Автор»

2024

Стоев А.

За последним порогом. Ветры Запада / А. Стоев — «Автор»,
2024 — (За последним порогом)

Девятая книга цикла.

© Стоев А., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Стоев

За последним порогом. Ветры Запада

Глава 1

Мы провожали поезд глазами, но вскоре причудливо ветвящиеся пути увели его куда-то вправо, и с прощальным гудком паровоза последний вагон поезда «Новгород – Итиль» скрылся за грязными пакгаузами Владимирского вокзала.

– Ну, хоть не стала шокировать публику и взяла первый класс, – хихикнула Ленка. – А могла бы тряхнуть стариной и поехать в паровозной бригаде.

Мама с интересом посмотрела на неё, вопросительно приподняв бровь.

– Ты даже не представляешь, мама, до чего Гана отвязная, – охотно пояснила Ленка. – С ней путешествовать ужасно интересно. С ней даже Алина становится весёлой.

– Дури она с ней набирается, а не весёлой становится, – проворчал я. – Жалко, конечно, что Гана уехала, как-то сразу пусто стало. Ты сейчас в клинику, мама?

– В клинику, – кивнула она. – Сегодня придётся задержаться, к ужину не ждите. Ну всё, дети, я поехала.

– А мы куда, Кени? – спросила Ленка, глядя ей вслед.

– Поехали домой, – после недолгого размышления решил я. – Что-то нет настроения в контору ехать. Да и подумать много о чём стоит, а там подумать не дадут.

Мы двинулись к выходу с перрона, обходя скопления пассажиров и уворачиваясь от тележек носильщиков. На соседнем пути только что началась посадка на поезд до Владимира, и на перроне царило оживление.

Уже в машине, когда мы выруливали с привокзальной площади, Ленка сочувственно спросила:

– Много проблем появится без Драганы?

– Изрядно, – недовольно поморщился я. – Она много где нас прикрывала. Но главная проблема – что сейчас будет с алхимией?

– Она ничего не сказала?

– Цитирую: «Разберёшься там сам, дирижабль я тебе оставила, капитан всё знает – где, как, в общем, всё, что нужно».

– Ну, раз она так сказала, значит, разберёшься, – с уверенностью отозвалась Ленка. – Любишь ты, Кени, из-за ерунды в пессимизм удариться.

Мне бы твою уверенность. Хотя, наверное, разберусь как-нибудь, деваться же некуда.

Вечер у нас оказался тихим и семейным; в последнее время я уже начал забывать, что на свете существует такая вещь, как тихие семейные вечера. Настроение у меня было грустным – к моему удивлению, на меня очень сильно подействовало прощание с Драганой. Как-то незаметно я уже успел привыкнуть, что к ней всегда можно обратиться за помощью или советом.

– Слушай, Лен, – вдруг вспомнил я почти небрежную лёгкость, с которой Ленка обращалась с пространством, – давно хотел с тобой поговорить, но всё забывал: ты, похоже, довольно много занималась этими пространственными штучками?

– Ну, так, – настороженно отозвалась она.

– Не напрягайся, я не собираюсь тебя ругать. Наоборот, очень нужная способность, как оказалось.

– Вообще-то, ты правильно меня ругал, – призналась она. – Я-то поначалу думала, что самое полезное – это разрывы метрики. Такой разрыв, конечно, разрежет что угодно, но ты был прав, что это использовать нельзя. Слишком опасно.

Я вопросительно смотрел на неё, ожидая продолжения.

– Понимаешь, – она задумалась, пытаясь выразить свою мысль, – по идее, там всё просто: ты направляешь волевое усилие в определённую точку, и в окрестности этой точки происходит разрыв метрики. Но у меня слишком часто происходило что-то непонятное. Я пару раз чуть себя не убила, прежде чем поняла, в чём дело.

– И в чём же дело? – я всерьёз заинтересовался.

– Всё там просто на самом деле. Пространство – это ведь поле, и оказалось, что напряжённость этого поля в разных точках немного колеблется. Оно, пространство, всегда неоднородное. Совсем чуть-чуть, глазом эти неоднородности не заметишь. Но когда метрика разрывается, разрыв идёт по точкам наименьшей напряжённости, то есть он может пойти вообще как угодно. И чем меньше напряжённость поля в этих точках, тем дальше идёт разрыв. То есть невозможно предвидеть, в каком направлении и как далеко пойдёт разрыв метрики. Он запросто может пройти через тебя самого или через кого-то рядом с тобой.

Я не стал говорить ей: «А ведь я тебя предупредил». Давно убедился, что такие напоминания дают обратный эффект – человек тут же инстинктивно начинает защищаться, и в конце концов убеждает себя, что всё делал правильно.

– Возможно, дело просто в недостаточном опыте, – заметил я вместо этого. – Вполне допускаю, что после некоторой тренировки получится оценивать неравномерности и правильно дозировать волевое усилие.

– Возможно, – согласилась она. – Но до тех пор я не хочу даже близко иметь дело с разрывами. После того как у меня неожиданно срезало носки ботинок, я решила, что мне будет слишком неудобно без ног.

– Действительно, с ногами как-то лучше, – глубокомысленно согласился я.

– А как у тебя дела? – поинтересовалась Ленка. – Ты вроде здорово увлекался лесом вероятностей.

– Без Драганы это будет гораздо сложнее, – я опять её вспомнил и снова загрустил. – Она всё же очень сильно с этим помогала. Знаешь ведь, как бывает – один небольшой совет помогает понять то, до чего сам в жизни бы не додумался.

– Да, есть такое, – согласилась она. – Ну а в целом какие-нибудь успехи есть?

Вместо ответа я взял из вазочки яблоко, откусил кусочек, демонстративно его прожевал и положил надкушенное яблоко на столик.

– Смотри на яблоко, – велел я, улыбнувшись её непонимающему виду.

Яблоко замерцало и стало целым, а я незаметно перевёл дух. Даже такое небольшое изменение давалось мне с огромным трудом.

– Потрясающе, – восхищённо сказала Ленка. – Это сколько же можно сэкономить на питании!

Я немедленно заподозрил, что это ирония. Во всяком случае, было совсем непохоже, чтобы она в самом деле впечатлилась.

– А вот ещё у христиан вроде байка была, – припомнила она. – Про то, как их бог накормил кучу народа корочкой хлеба. Или там про вино было? Не помню уже деталей, помню только, что банкет обошёлся совсем недорого. Ты тоже так умеешь?

– Нет, пока не научился, – кисло отозвался я. – Да и с этим яблоком не всё так просто. Я выбрал ветку, где оно целое, но в этой ветке я его не надкусывал. Так что пообедать даром не получится.

– Интересное умение, но выглядит не особенно полезным, – скептически заметила Ленка. – Хотя с ним можно показывать фокусы, только надо придумать что-нибудь поэффектнее. Помнится, я в шесть лет собиралась путешествовать с бродячим цирком. Сейчас, правда, уже не очень хочу, но если вдруг соберёшься – зови.

– Остроумие не красит женщину, Лена, – наставительно сказал я. – Потому что женщина редко знает меру и быстро скатывается в злоязычие. А чтобы ты не очень веселилась на эту тему, расскажу тебе одну маленькую историю. Ты помнишь, как Драгана в самом начале нашего путешествия на «Фрейе» сказала, что у её отца была мастерская, в которой прошло всё её детство?

– Помню, – кивнула Ленка, явно заинтересовавшись.

– А потом она ещё рассказала мне, что была мещанкой из небогатой семьи. Она хотела идти на ремесленный факультет, но в банке ей не захотели давать кредит и потребовали в залог мастерскую отца. Поэтому ей пришлось идти на боевой. Какой вывод из этого можно сделать?

– Какой? – не поняла Ленка.

– Очень простой. Семья действительно была небогатой, а мастерская была совсем не преуспевающей. Поэтому у банка и возникли сомнения в способности семьи выплатить кредит, и поэтому банк потребовал в залог единственное имущество семьи. Семья на это не согласилась, а брать кредит у Академиума Драгана сама не захотела. Ну, мы же знаем, что за условия у Академиума для ремесленников, там надо полжизни расплачиваться. Так что Драгана пошла на боевой, где её совсем не хотели видеть, потому что вторичные характеристики у неё были примерно как у нас с тобой.

– И что в этой истории такого особенного? – с недоумением спросила она.

– Потерпи, мы сейчас как раз подходим к самому интересному. У этой истории есть и другая сторона. Пока нас не было, Зайка встречалась с Ольгой Ренской. Когда она подробно докладывала мне об этой встрече, всплыла одна маленькая деталь, на которую я поначалу не обратил внимания: Ольга была уверена, что мастерская Анастаса Ивлич была большой и процветающей, а помощь Драганы отцу заключалась в управлении этой мастерской. В очень успешном управлении.

– И что было на самом деле? – было заметно, что Ленка уже всерьёз заинтересовалась.

– На самом деле? По всей видимости, то, что рассказала сама Драгана – кому знать правду, как не ей? Да и история с кредитом очень хорошо ложится в её версию. С другой стороны, слова Ольги тоже очень похожи на правду – завод семьи Ивлич слишком большой. Как такой огромный завод мог вырасти из крохотной мастерской, у которой дела шли не очень хорошо? Здесь явно какое-то несоответствие. Я стал осторожно расспрашивать людей, и обнаружил, что разные люди помнят историю мастерской Ивлич немного по-разному.

– То есть ты хочешь сказать, что Драгана...

– Да, именно это я и хочу сказать – во всяком случае, я другого варианта не вижу. Она неоднократно понемногу правила ветки. Совсем по чуть-чуть – здесь выгодный контракт, там кредит на хороших условиях, тут победа в тендере. По мере того как её возможности увеличивались, правки становились более серьёзными. Вероятно, сейчас Драгана единственный человек, кто помнит эту мастерскую маленькой.

– И ты тоже так можешь?

– Я всё-таки мало что пока могу, да нам и не особенно это нужно, у нас и так всё хорошо. Я тебе всё это рассказал просто для того, чтобы ты относилась к возможностям леса вероятностей немного серьёзнее. Необязательно ведь делать грандиозные исправления, порой множество мелких правок работает даже лучше.

– Я всё-таки не понимаю, Кени, – озадаченно заметила Ленка, – почему Драгана тебе про это не рассказывала? Зачем она говорила, что нужно сотню лет тренироваться, чтобы научиться делать хоть что-то с вероятностями?

– Ну, с формальной точки зрения она сказала чистую правду. Она мне сказала, что пройдёт много лет, прежде чем мои возможности станут чем-то заметным, и это действительно так. Она просто опустила тот момент, что можно многое сделать и мелкими правками, ну так до этого легко ведь и самому додуматься.

– Но она всё равно могла бы про это рассказать, а получается, что она тебя наоборот, отговаривала этим заниматься.

– Это как раз понятно, почему она про это молчала, – усмехнулся я. – У меня могли бы появиться разные подозрения, вот она и старалась подать это так, чтобы я бросил работу с вероятностями и не стал обращать внимание на некоторые моменты. Понимаешь, в то время она пыталась вытащить семью из нищеты и расплатиться с долгами. Об этической стороне вопроса она тогда не задумывалась, да и вообще, она же из мещан, у них с этим проще. А потом, когда она пошла вверх, признаваться в таком было уже нельзя. У Дворянского Совета появилась бы масса вопросов.

– То есть она боится, что всё раскроется, и её обвинят в мошенничестве?

– Да нет, вряд ли, – призадумался я. – Даже не представляю, как здесь можно сформулировать обвинение. Что сто лет назад она изменила мир в целях личной выгоды? Как-то диковато звучит. Не думаю, что ей можно предъявить какое-то официальное обвинение, скорее всего, ей просто очень неловко в таком признаваться. Она же понимает, что даже при отсутствии обвинения это выглядит сомнительно, и будет пятном на репутации, вот и молчит. Собственно, если бы она не проговорила насчёт бедности семьи, то и я ничего бы не понял.

– Да, Кени, с тобой действительно надо следить за языком, – покачала головой Ленка, то ли в осуждении, то ли в восхищении. – Если у меня вдруг появится какой-нибудь секрет, я буду с тобой крайне осторожна. Очень уж быстро ты делаешь правильные выводы.

Это ещё что, знала бы ты, как ловко раскрывает разные преступления Шерлок Холмс. А я всего лишь внимательно слушаю людей и хорошо помню, кто что сказал. И всегда обращаю внимание на разные неувязки.

– И что ты собираешься со всем этим делать? – с любопытством спросила Ленка.

– Насчёт Ганы? Ничего. Рассказывать кому-то об этом я точно не собираюсь. На самом деле я её даже не осуждаю. Всего лишь маленький секрет, и даже не особенно грязный, такое можно у каждого второго найти. И вообще, это дела давно минувших дней – было и прошло. А вот новый взгляд на возможности леса вероятностей – это ценно.

– Да, я была неправа насчёт бесполезности, – согласилась Ленка. – К этому стоит приглядеться получше.

* * *

Проблема с алхимией, очевидно, беспокоила не только меня, потому что князь вызвал меня буквально на следующий день после отъезда Драганы.

– Что у нас за ситуация с алхимией, Кеннер? – деловито поинтересовался он.

– Почему ты спрашиваешь об этом меня, княже? – хмуро ответил я вопросом на вопрос. – Мне и самому хотелось бы знать, что у нас за ситуация с алхимией.

– Драгана мне сказала, что все контакты у тебя, – он посмотрел на меня с недоумением.

– Я действительно знаю, с кем она имела дело у лесных, – неохотно подтвердил я, – но дело в том, княже, что я не могу её заменить. Чисто физически не могу.

– Поясни, – нахмурился он.

– Там ведь нужен кто-нибудь из Высших, а я, к сожалению, не Высший.

Князь непонимающе смотрел на меня, и я понял, что придётся объяснять подробно.

– Известно ли тебе, княже, в чём состояла суть сделки Драганы с лесными?

Он отрицательно покачал головой:

– Она не рассказывала, а я не интересовался.

– У лесных сложные отношения между отдельными племенами, и там нередко случались войны на истребление. В конце концов они додумались попросить Драгану о защите, и Драгана им её предоставила. Реальную защиту – я знаю, что она полностью истребила как минимум

одно племя, напавшее на племя под её защитой. Вот в этом и состоит суть её договора с лесными – алхимия в обмен на защиту. А я никакой защиты обеспечить не могу.

– У тебя достаточно сил, – указал он, всё ещё, похоже, не понимая сути проблемы.

– Дружина там не поможет, княже, – вздохнул я. – В их лесах нормально чувствуют себя только Высшие. Мы с женой тоже можем входить в их леса, но обеспечить лесным защиту не в наших силах.

– Да, я сейчас припоминаю, что с их лесами не всё просто, – до него, наконец, начало доходить. – А что насчёт Милославы?

– Она не станет никого истреблять, княже, это совсем не в её характере. Да и мы с женой этого вовсе не жаждем, даже если бы могли. Лучше будет, если ты доверишь это кому-нибудь из Высших. Кому-нибудь, у кого при этом не будет особых моральных терзаний.

Князь встал и в глубокой задумчивости прошёлся взад и вперёд. Я тоже встал и молча на него смотрел, ожидая его решения. Наконец, он опять обратил на меня внимание:

– Садись, садись, Кеннер, – махнул он рукой. – Можешь не вскакивать, без посторонних разрешаю тебе не соблюдать этикет.

Он уселся сам, внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Видишь ли, в чём дело, Кеннер – нет у меня таких Высших, кому я мог бы это поручить.

– Как так нет? – поразился я. – Да та же Анна Максакова, например.

– Я ей недостаточно доверяю, – просто сказал он.

– А Драгана мне говорила, что ты, княже, считаешь её лучшей кандидатурой на пост главы Круга.

– Считаю, что она будет хорошим руководителем, – согласился он. – Но здесь другое. В таком деликатном вопросе нужно очень сильно доверять человеку, а ей я пока не доверяю настолько. Может быть, лет через десять, но сейчас всё же нет.

Похоже, князь полагался на Драгану даже сильнее, чем я думал. Незаменимых, конечно, нет, но некоторых людей просто невозможно заменить.

– А мне, стало быть, доверяешь достаточно, княже? – хмуро осведомился я.

– Сам иногда удивляюсь, – усмехнулся он. – Короче, заниматься этим придётся всё же тебе. Понимаю, что тебе это не нужно, однако доверить это я больше никому не могу. Я надеюсь, что Гана через годик-другой вернётся, но до тех пор это будет твоим делом. Доля Драганы будет, кстати, тебе идти.

Думаю, доля там очень неплохая, но радости я всё равно не испытывал и недовольно молчал.

– Это ведь прежде всего твоя вина, так что кому этим заниматься, как не тебе? – объяснил князь, глядя на меня отеческим взглядом. – Так-то я бы эту торговлю просто прикрыл, мне она не особенно интересна, но ты же сам впутал сюда Скорцезе. Раньше это была всего лишь затея Драганы, но благодаря тебе это стало государственным делом. Мы не можем просто сказать кардиналу: «Извини, нам это больше не нужно», понимаешь?

– Понимаю, княже, – мрачно ответил я.

– И дело совсем не в том, что меня волнуют чувства Скорцезе, – продолжал он. – Ты просто знаешь далеко не всё. Сама по себе алхимия не главное, Кеннер. Уже появились какие-то договорённости о взаимных инвестициях, наметились подвижки в старых спорах, пути решения давних противоречий. Мы очень многое поставили на то, что Скорцезе станет папой, но ему для этого нужны деньги, а деньги мы не можем передать ему напрямую. За финансирование от язычников папа мгновенно втопчет его в грязь, Варфоломей VI такой возможности не упустит. Зато финансирование через алхимию никаких вопросов не вызывает, и поэтому твоя торговля стала важнейшим государственным делом. Не подведи меня, Кеннер.

– Приложу все силы, княже, – вздохнул я.

– И ещё один очень важный для княжества момент – выборы императора. Герцог Баварский в качестве императора будет для нас очень неудачным выбором. Здесь княжеству тоже нужна твоя помощь.

Я лишь посмотрел на князя в полном изумлении, и тот развеселился от моего вида.

– Ну, выберут они без тебя, конечно, – улыбнулся он. – Меня конкретно интересует, что там у тебя с контрактом на боевую технику от архиепископа Трирского.

– Контракт подписан, частичную оплату Бопре перевёл. Через неделю-две выполним первую отpravку.

– Поторопись с этим, – серьёзно сказал князь. – Обе партии пока оттягивают выборы, но очень скоро Баварский может решить, что накопил достаточно сил. Наши друзья должны быть к этому готовы. Кстати, я хочу, чтобы ты поговорил с архиепископом Бопре на эту тему. Я мог бы послать ему пару тысяч под видом вольных отрядов.

Опять лететь в империю? Впрочем, у меня сейчас должны быть каникулы. Даже если Драгана забыла про своё обещание зачесть мне практику, не думаю, что Анна откажет.

– Не думаю, что ему подойдёт такая явная помощь от язычников, княже, – покачал я головой, – но я поговорю с ним.

– Поговори. А ещё я попрошу Скорцезе заодно познакомить тебя с кронпринцем, нам пора завязывать прямые контакты с будущим императором.

Дороги, которые мы выбираем¹, могут привести нас совсем не туда. Думал ли я, чем может кончиться дело, когда выдавливал из папы имперский титул? Да ни о чём я не думал, я просто был зол. Если бы дело касалось только меня, я, возможно, воспринял бы ситуацию гораздо проще, но он подверг опасности мою жену, и меня это взбесило. Я хотел заставить его заплатить, и он заплатил. А в баронстве оказался анклав лесных, и мне пришлось решать вопрос с их алхимией, а дальше всё завертелось уже практически бесконтрольно. И в результате я оказался чуть ли не ключевой фигурой межгосударственной политики. Хотелось бы мне вернуться назад и пойти по другому пути, но мои возможности в этом пока что ограничиваются восстановлением надкусанных яблок. Впрочем, за свои хлопоты я получил невероятно щедрое вознаграждение, и семья Арди уверенно вошла в число богатейших семей княжества, так что мои жалобы даже для меня самого выглядят несколько лицемерно.

– Я понял задачу, княже, – уверенно сказал я, отбросив бесполезные сожаления.

– Вот и хорошо, – удовлетворённо кивнул он. – Вопросы есть?

– Если позволишь, княже, чисто из любопытства – почему ты сказал, что тебе не интересна алхимия?

– Потому что для княжества она не важна, Кеннер. Высокая алхимия – это развлечение для богатых. Не будет алхимии от лесных – будут просто покупать её дороже. Или пойдут к Старшим целителям, да к твоей же матери и пойдут. Вот недорогие лекарства для народа – это действительно важно.

– И что мне делать, если лесным от меня всё же потребуются защита?

– Вот тогда и будем думать, что делать, – пожал он плечами. – Но ты лучше до этого не доводи. Мне идея истребления тоже категорически не нравится.

¹ «Дороги, которые мы выбираем» – название известного рассказа О. Генри.

Глава 2

По понедельникам утро Ольги Ренской начиналось с совещания. Руководители направлений отчитывались в успехах и провалах – чаще в успехах, конечно, дела у Ренских в целом шли неплохо. Хотя бывало по-разному.

– То есть у тебя всё в порядке, Фира? – переспросила Ольга.

Фира Ренская, отвечающая за горные разработки на Мурмане², немедленно напряглась. У Ольги не было привычки к ненужной болтовне – такой вопрос прозвучал явно неспроста, и Фира замялась под её пристальным взглядом. Слегка отстранённо Фира отметила, как по-разному смотрели на неё другие руководители – у некоторых во взгляде было сочувствие, а кое-кто взирал с весёлым предвкушением. Она запомнила каждого, но об этом можно было подумать и потом, а сейчас Ольга ждала ответа. Тянуть дальше было нельзя, и Фира ответила, прямо посмотрев ей в глаза:

– У меня всё в порядке, Мать.

– Взгляни на этот график, Фира, – обманчиво мягко предложила Ольга. – Это график добычи тантала по дням на «Лопарите-1³». Посмотри на эти пики и спады – они о чём-нибудь тебе говорят?

– Такое случается, Мать, что здесь ненормального? Добываем немного, поэтому статистика количеством не сглаживается, и колебания всегда есть. Но за месяц спады компенсируются пиками, и месячная добыча не снижается.

– Посмотри теперь сюда – это график суточной добычи за тот же месяц прошлого года. Пики и спады гораздо меньше. А вот график пятилетней давности, он почти ровный. Что скажешь?

– Месячная добыча не снижается, – упрямо повторила Фира.

– Ты вправду идиотка, Фира, или просто прикидываешься? – Ольга по-прежнему говорила спокойно, но в голосе уже появились грозные нотки, и подчинённые беспокойно задвигались. Когда Ольга начинала по-настоящему злиться, даже непричастные предпочитали оказаться где-нибудь подальше.

– Разреши, я скажу, Оля, – вмешалась Стефа Ренская. На таких совещаниях Стефа всегда сидела где-нибудь в уголке, так что о её присутствии, как правило, забывали. В основном потому, что она всегда только слушала и наблюдала, а голос подавала крайне редко.

– Скажи, – уже спокойнее ответила Ольга.

– Видишь ли, Фира, – начала объяснять Стефа, – у нас очень жёсткие контракты на поставку тантала. С ниобием гораздо проще, а тантал весь продан на пятнадцать лет вперёд с очень серьёзными санкциями за непоставку. И если «Лопарит-1» вдруг перестанет выдавать продукцию, нам придётся покупать тантал где-нибудь за границей. Дешевле будет терять деньги на импорте, чем платить штрафы, понимаешь?

– Понимаю, – кивнула та.

– Мы, конечно, откроем новую разработку, но это не получится сделать быстро. Видана, скажи нам – сколько времени потребуется, чтобы начать разработку в новом месте?

– Если лицензию выдадут сразу, то можно за год уложиться, – откликнулась начальница канцелярии. – Раньше никак не получится, полгода надо только документацию готовить. Но лучше закладываться на два года.

– Когда это лицензию сразу давали? – удивилась Стефа. – Такое разве бывает?

² Мурман – старинное название Кольского полуострова. Сейчас о нём напоминает лишь название города Мурманск.

³ Лопарит – руда, содержащая тантал и ниобий. Разумеется, это всё названия нашего мира, в мире Кеннера используются свои названия.

– Ну, возможность ускорить, в принципе, существует, – замялась Видана.

– Кеннера Арди попросить? – догадалась Стефа, и Видана кивнула, с опаской покосившись на Ольгу, которая незаметно поморщилась. – Если понадобится, будем его просить, конечно, но лучше до этого не доводить, мы и так ему много должны. Надеюсь, ты поняла, Фира, что ситуацию с добычей надо внимательно отслеживать. Если там намечаются какие-то проблемы, мы должны знать о них заранее.

– Я всё поняла, – отозвалась Фира, глядя в стол.

– Организуй полное обследование залежи, Фира, – распорядилась Ольга. – Через месяц представишь подробный доклад о причинах колебаний добычи и возможных проблемах. Если ни у кого нет вопросов, все свободны. Идите работайте.

Вопросов ни у кого не оказалось, и задерживаться никто не стал. Ольга проводила взглядом последнего выходящего и с лёгким интересом спросила Стефу:

– Ну и зачем заступилась?

– Фира хороший работник, – пожалала Стефа плечами. – Не стоит её размазывать без серьёзной причины.

– Ты считаешь, что причина несерьёзная? – удивилась Ольга.

– С этим пока непонятно. Ты же не сама эти графики нашла? Наверняка заместитель через голову доложил – с расчётом, что ты сразу вспыхнешь. А вот меня эти графики не очень убедили. Может быть, такие колебания случаются не в каждом месяце. Может быть, пять лет назад графики тоже не всегда были ровными. Надо смотреть и разбираться. И если кто-то пытается тобой манипулировать, чтобы подсадить начальство, то это надо сразу пресекать.

Ольга просто кивнула в ответ. Возражать было не на что, она и сама прекрасно понимала, что чрезмерная вспыльчивость – это её основной недостаток. Они обе уже привыкли, что Стефа всегда служит как бы тормозом, не давая этой вспыльчивости перерасти в серьёзную проблему.

– Ты что-то рассказать хочешь? – спросила Ольга, правильно поняв, почему Стефа не ушла вместе со всеми.

– Хочу, – кивнула та. – Помнишь, я тебе говорила, что Кеннер был в Рифейске и звонил мне от Анны?

– Помню, – недовольно ответила Ольга. – Мне он почему-то звонить не захотел.

– Так ведь и ты с ним только по необходимости общаешься, – пожалала плечами Стефа.

– Я не знаю, как с ним разговаривать, Стефа, – устало сказала Ольга. – Если бы не было той истории с якобы «похищением», всё было бы гораздо проще. Да, да, я уже слышала, что это было дурацкой идеей.

– Я молчу, Оля, – мягко сказала Стефа. – Хотя всё же замечу, что если ты выкинешь ту историю из головы и начнёшь общаться с Кеннером нормально, то и он быстро её забудет. Я уверена, что он с удовольствием воспользуется возможностью всё забыть и начать с чистого листа. Кстати, ты наверняка получишь приглашение на свадьбу Милославы – пойдёшь?

– Думаешь, надо? – проворчала Ольга. – Если надо, схожу. Но ты пойми, наконец, Стефа, дело же не только во мне, ей это тоже не нужно. Мы с ней не то чтобы не хотим мириться, мы просто вычеркнули друг друга из своей жизни. Да и нынешняя Милослава – это не моя дочь, я в ней свою дочь уже не узнаю. Я не против поддерживать с ней хорошие отношения, но не как с дочерью.

Стефа только вздохнула.

– Ладно, решайте с Милой сами, кем вы друг другу приходитесь. Я хотела про Кеннера рассказать. Кстати говоря, он интересовался у Анны нашим ванадием...

– Анна ему рассказала, что он наш?

– Анна сама не знает, что он наш, это совершенно точно. Но я полностью уверена, что Кеннер всё уже раскопал сам.

– Думаешь, попросит?

– Уверена, что не попросит, – улыбнулась Стефа, – для него это мелочь. Не того масштаба проблема, чтобы из-за этого просить нас об одолжении. Гораздо интереснее другой вопрос: покажет ли он нам, что знает, чей это ванадий?

– Да, будет любопытно выяснить, есть ли у него склонность к шантажу, – с усмешкой согласилась Ольга. – Но это если он действительно знает, что мы им приторговываем.

– Да знает он, конечно, я его уже достаточно изучила, – махнула рукой Стефа. – Однако мы опять не о том. Так вот, со мной связалась Анна. Ей, наконец, удалось выяснить, зачем они летали в Рифеи. Оказывается, проводник был нужен Кеннеру, чтобы попасть в обиталище Морены. И Кеннер с женой в самом деле к ней пошли.

– Даже не знаю, что тут сказать, – призналась Ольга. – У них что в голове вместо мозгов?

– У меня этот вопрос тоже возник, – усмехнулась Стефа. – Однако они благополучно оттуда вернулись. А после того как они вернулись, на их участке начались нормальные работы, а не та бессмысленная суета, которую Кира там изображала раньше. Мне стало интересно, и я прогулялась рядом, поспрашивала камень. Так вот, камень сказал, что там прошла волна божественной силы, и после этого что-то изменилось. Что-то неприятное ушло.

– То есть ты хочешь сказать, что Кеннер каким-то образом заставил Морену очистить подземелье? – недоверчиво спросила Ольга. – Звучит очень сомнительно.

– Вот и мне это кажется невероятным, – согласилась Стефа. – Но другого объяснения у меня нет.

Ольга надолго задумалась, рассеянно чиркая в ежедневнике.

– Нет, – наконец пробудилась она, – ему нечего было предложить Морене.

– Нечего, – согласно кивнула Стефа.

– И он никак не мог её заставить.

– Не мог, – опять кивнула та.

– Значит, этого быть не могло.

Стефа просто молча улыбнулась.

– Но всё-таки было, – вздохнула Ольга. – И какие у тебя мысли по этому поводу?

– Удача, – коротко ответила Стефа.

– Удача? – недоверчиво переспросила Ольга. – Ты веришь в удачу?

– Я сама не знаю, верю ли я в удачу, – задумчиво ответила Стефа, – но я давно уже подозреваю, что с Кеннером что-то не то. Либо кто-то очень сильный гнёт случайности в его пользу, либо сам Кеннер гораздо сильнее, чем он всем нам показывает.

Ольга смотрела на неё с ясно выраженным скепсисом.

– Ну предложи сама что-нибудь получше, – виновато развела руками Стефа. – А я уже не знаю, что и думать.

* * *

Как я очень быстро выяснил, никакую практику нам с Ленкой не закли. Да и прочие обещания Драганы, похоже, так и остались обещаниями. Вообще, это выглядело так, будто она просто встала и ушла, бросив всё. Не знаю, конечно, как она передавала дела Анне Максаковой, но совсем не удивлюсь, если никак.

Пришлось проситься на приём к Максаковой. К счастью, она не стала показывать мне моё место, или что-нибудь в этом роде, а приняла меня сразу.

– Здравствуй, Анна, – поприветствовал я её. – Поздравляю с новым назначением.

– Здравствуй, Кеннер, – ответила она. – Не уверена, что с этим стоит поздравлять.

Выглядело она и в самом деле устало.

– Судя по вашему виду, вам не мешало бы отдохнуть, – заметил я усаживаясь. – Похоже, что Драгана просто свалила на вас все дела по принципу «Разберёшься сама».

– Вот именно так она и поступила, – усмехнулась Анна. – Вы совершенно точно угадали.

– Я не угадывал, – улыбнулся я в ответ. – Поскольку со мной она поступила именно так, то это предположение просто напрашивалось.

– Но вы же на неё за это не в претензии? – она посмеивалась, но смотрела внимательно и глаза у неё не смеялись.

– Я и в самом деле не в претензии, – серьёзно ответил я. – Предпочитаю видеть это таким образом, что она сделала это вынужденно, потому что у неё не было времени передать дела нормально.

– Вот так вы это видите? – она перестала смеяться, и взгляд у неё был острым.

– Понимаете, Анна, в каждом человеке есть и чёрное, и белое, и видеть его можно совершенно по-разному. Я всегда предпочитаю видеть в людях белое, хотя никогда не забываю и о чёрном.

– Не совсем обычная точка зрения, – покрутила головой она. – Но оставим это. Чем я могу быть вам полезна, Кеннер?

– Моё дело как раз с этим и связано. Мы с женой полетели в Рифеи с условием, что Круг Силы зачтёт нам эту поездку в качестве летней практики. Однако в деканате мне сообщили, что никаких бумаг на этот счёт им не поступало.

– И что вы хотите от меня?

– Разве это не очевидно? Я хочу выполнения договорённости.

– Договорённости с Ивлич, – подчеркнула она. – Почему бы вам просто не пройти практику на общих основаниях?

– Потому что у меня нет на это времени. Потому что в дополнение к моим обязанностям главы семейства князь повесил на меня поручения от княжества, и при этом я уже убил кучу времени на эту поездку. Потому что зачёт практики для нас был моим условием участия в поездке в Рифеи. Потому что договорённость была не с Ивлич, а с Кругом Силы, от имени которого Драгана и дала мне такое обещание. Любой из этих причин достаточно.

Максакова молчала, о чём-то раздумывая.

– Анна, я не собираюсь вас упрашивать, – решительно сказал я. – Если вы мне отказываете, то я просто пойду к князю, и объясню ему, что я не в состоянии выполнить его поручение. По той причине, что Круг Силы отказывается выполнять свои обязательства и настаивает на прохождении практики на общем основании. Мы с вами встретимся у князя и обсудим этот вопрос там. Я полностью выполнил свою часть договора с Кругом, и не собираюсь мириться с подобным жульничеством.

– Выберите слова, Кеннер, – поморщилась Максакова.

– И вот что ещё я хочу сказать, Анна, – продолжал я, не обратив внимания на её слова, – я прекрасно понял, с чьей подачи нам с женой устраивали весёлую жизнь в Академиуме, – (в её эмоциях промелькнуло смущение). – Я знаю, что Драгана была против этого, и только у вас была возможность продавить такое решение, несмотря на её сопротивление. Так вот, если я увижу ещё хоть одну подобную попытку, то начну официальное разбирательство в попечительском совете. И меня совершенно не будет волновать, что публичный скандал плохо отразится на репутациях Академиума и Круга Силы.

– Насчёт этого вы можете не беспокоиться, Кеннер, скандал уже имел место, – вздохнула она. – В результате попечительский совет Академиума запретил Кругу Силы любое вмешательство в учебный процесс. Информация из первых рук, поскольку Ивлич скинула обязанность разгрести всё это на меня.

– Вы несправедливы к ней, – заметил я. – Не скинула на вас, а направила все претензии непосредственно тому, кто всё это и устроил.

– Пусть так, – устало согласилась она. – В каком-то неправильном направлении у нас с вами разговор пошёл. Давайте попробуем начать заново.

– В самом деле, куда-то не туда мы зашли, – согласился я.

– Практику я вам с Леной зачту. Кстати, я вам для этого на самом деле и не нужна. Любая Высшая имеет право привлечь студента в рамках летней практики. Ваша мать могла бы просто сообщить в Академиум, что вы прошли практику у неё.

– Это было бы недостойным, – покачал головой я. – Нам не нужно незаслуженное освобождение. Но мы считаем, что наша поездка вполне заслуживает зачёта в качестве практики.

– Заслуживает, не спорю, – согласилась Анна.

– Вот её мы и хотим зачесть, а не какую-то фиктивную практику у нашей матери.

– Я не возражаю, я ведь уже сказала, что зачту. Сегодня же отправлю бумаги на вас. Ладно, что мы всё о делах, давайте просто поболтаем, есть у меня несколько минут.

Похоже, у Анны хоть и зудят старые обиды, но она всё же всерьёз настроена на сближение. В общем-то, это нам обоим выгодно – мы оба можем быть друг другу полезными, а при плохих отношениях – достаточно неприятными. Это хороший стимул для сближения даже при наличии застарелых претензий, а у нас каких-то заметных претензий друг к другу вроде бы и нет. Хотя нет, кое-что всё-таки есть.

– Совсем забыл, Анна, – вспомнил я, доставая из портфеля тощую папку. – Я же принёс вам полный протокол нашего разбирательства с Матиасом Лахти. Это, конечно, копия, но официально заверенная.

Максакова немного неохотно, но всё-таки взяла папку. Я так и не смог понять её эмоции – какая-то дикая мешанина, в которой преобладали интерес и недоверие. Однако папку она открыла и начала читать. Управилась она быстро, там и было-то всего несколько страниц.

– Интересно и неожиданно, – задумчиво заметила она, закрывая папку. – Я представляла это совсем по-другому.

– Надеюсь, у вас нет сомнений насчёт достоверности этого протокола?

– О, насчёт достоверности никаких сомнений нет, – с кривоватой усмешкой ответила она. – Да я, в общем-то, и в вашем слове не сомневалась, просто хотелось выяснить все детали. И результат оказался печален – оказывается, мною манипулировали все кому не лень. Я вовсе не настолько легковерна, но близким людям всё же доверяла. Вот они как раз и манипулировали.

– Сочувствую, Анна, – совершенно искренне сказал я. – Но вашей вины здесь нет, такое могло случиться с каждым. Невозможно жить, подозревая всех, кому-то приходится доверять. И если мы ошибаемся, доверяя не тому, это всегда больно.

Она рассеянно кивнула, затем вздохнула и отложила папку в сторону.

– Я могу это оставить у себя? – спросила она.

– Конечно, это же копия. Я её специально для вас и запросил у Дворянского Совета.

Похоже, старине Матиасу предстоит непростой разговор – но кто виноват? Это только выглядит легко и заманчиво – тут немного сменить акценты, там чуть-чуть преувеличить, или даже слегка приврать. Мало кто задумывается, что за это придётся так или иначе заплатить. Вот и родственница Матиаса стала главой Круга Силы, но захочет ли она теперь что-то делать для него?

– А знаете, Кеннер, я ведь могу вам немного помочь, – неожиданно заявила она. – Скажем так, в качестве извинения. Я вижу у вас проблему с волевыми построениями и, вполне возможно, смогу дать вам хороший совет.

– Я всегда готов принять совет, тем более хороший, – осторожно сказал я.

– У вас довольно типичная проблема мужчин-Владеющих, и выражена она у вас очень остро. Вот у вашей жены такой проблемы нет совершенно, и я не удивлюсь, если ваши успехи обусловлены большей частью помощью жены через связь душ.

– Что же это за проблема? – я всерьёз заинтересовался.

– Вы прилагаете волю, чтобы заставить Силу сделать то, что вам нужно.

– А разве не в этом и состоит смысл волевого воздействия? – удивился я.

– Нет, – покачала головой Анна. – Суть воли не в том, чтобы кого-то заставлять. Воля – это прежде всего уверенность, а не принуждение. Вы пытаетесь принудить Силу к чему-то, и она совершенно естественным образом сопротивляется. Чего-то таким образом можно добиться, но это тупиковый путь. Никому же не нравится, когда его заставляют что-то делать. Рано или поздно Сила начнёт сопротивляться всерьёз, и у вас просто не хватит воли её заставить.

– И что нужно делать? – в замешательстве спросил я.

– Нужно отдалиться.

– Звучит не очень привлекательно.

– Вы просто не пробовали.

Это что – пошлая шутка? Очень даже похоже на то – глаза смеются, и в эмоциях веселье.

Я тоже невольно улыбнулся и попросил:

– Объясните подробнее, пожалуйста.

– Нужно как бы слиться с Силой и убедить её, что это именно её желание сделать то, что вы хотите сделать. То есть быть не кем-то посторонним, кто заставляет, а стать её частью, чтобы ваше намерение естественным образом стало намерением Силы.

Вот здесь меня как будто ударило. А ведь мне всё это говорили не раз, пусть и разными словами. Помнится, когда я был ещё школьником, Алина Тирина сказала мне практически то же самое. Да и Стефа как только это не объясняла. Почему же я этого раньше не понимал? Почему пропускал все слова мимо ушей и с упорством идиота считал, что развивать волю – это больше тужиться и давить? Хотя может быть, что сейчас я просто развился достаточно, чтобы осознать это как глубокую концепцию, а не как давно надоевший набор слов.

– Спасибо, Анна, – искренне сказал я. – Мне всё это говорили не раз, но именно ваше объяснение помогло, наконец, понять суть проблемы. У вас определённо педагогический талант.

– Ещё бы, – мои слова её, похоже, рассмешили, – я ведь тридцать лет преподавала боевую практику. На каких только студентов не насмотрелась.

– Боевую практику?

Неожиданное открытие – как-то плохо я представляю себе Максакову на месте нашего Генриха.

– Ну да. Я же из мещан, если вы ещё не поняли.

– Понял, конечно, это заметно. Не сочтите за обиду, пожалуйста.

– Из чего это заметно? – заинтересовалась она.

– Вы плохо знаете уложения, касающиеся дворянства. На самом деле, полностью их мало кто знает, вот моя жена, например, не особо эти уложения учила. Но есть вещи, которые в дворянских отпрысках вбивают с детства.

– Действительно, – смутилась она, – с уложениями у меня проблема.

– Драгана тоже иногда допускала просто чудовищные ляпы, – сочувственно сказал я.

– Таким образом, наверное, бывших мещан и определяют?

– В том числе. Много есть мелких моментов, которые усваиваются с детства, и которые в мещанах сразу бросаются в глаза. В общем-то, в этом нет ничего страшного, разве что вчерашний мещанин пытается строить из себя аристократа. Новым дворянам многое прощается, а вот к их детям отношение уже строже. Детям лучше сразу нанять хороших учителей.

– Я запомню, спасибо, Кеннер, – кивнула она. – А с моим преподаванием всё стандартно – небогатая мещанская семья, заём у Академиума, и тридцать лет отработки по окончании. Как минимум половина преподавателей в Академиуме – должники, отрабатывающие свой долг.

– Академиум в качестве долговой тюрьмы – это очень новая для меня идея, – признался я.

Глава 3

Справку о практике я предпочёл отвезти в Академиум сам. Нет, я, конечно, ничуть не сомневался, что Максакова сделает всё, как обещала, но вдруг она забудет? Вот как выйду из её кабинета, так её тут же и отвлекут разные важные дела. Как-то так у меня в жизни получилось, что я в принципе не верю ничьим обещаниям. Напоминать о её обещании и выглядеть просителем я не стану, и выйдет в результате очень неприятная для нас обоих ситуация. Так что я очень вежливо настоял на том, чтобы получить эту справку на руки прямо сейчас, и мы с Анной, наконец, с некоторым взаимным облегчением расстались.

В административном корпусе Академиума было жарко и пустынно. Откуда-то из-за угла слышались какие-то стуки и перекрикивания рабочих, и гулкое эхо далеко разносило эти звуки по пустым коридорам. В нашем деканате жизнь тоже не была ключом. При звуке открывающейся двери секретарь факультета встрепелась и начала деловито перебирать какие-то бумаги на столе, но сонные глаза предательски её выдавали.

– Здравствуйте, я на минутку вас оторву, – поздоровался я, чувствуя себя виноватым за прерванный трудовой процесс. – Мне только отдать справку о практике. Кеннер Арди и Лена Менцева-Арди.

– Давайте, – кивнула она, окончательно пробуждаясь. – А что это у вас за справка такая? – с недоумением спросила она, разглядывая мою бумагу.

– Справка на официальном бланке Круга Силы, подписанная сиятельной Анной Максаковой, и заверенная в канцелярии Круга. Что с ней не так?

– А почему сама глава подписала? – она по-прежнему выглядела озадаченной.

– Потому что мы проходили практику у неё, – пояснил я. – Так что всё-таки не так с этой справкой?

– Да нет, всё так. Просто такие справки обычно от руки пишутся. «Такая-то прошла практику у такой-то», и всё, – объяснила она, бережно вкладывая её в папку с аккуратной надписью «Практика 3-го курса».

– Возможно, сиятельная Анна этого просто не знала? – предположил я.

А скорее всего, очень хотела гарантированно от меня отделаться, чтобы я уж точно не возник с этой справкой снова. Не всегда злые бюрократы изводят бедных посетителей, бывает и наоборот.

– Возможно, – с сомнением согласилась она.

– Если на этом вопрос с нашей практикой закрыт, то я с вами прощаюсь до осени.

– Да-да, конечно, – с облегчением попрощалась она. – До свидания, господин Кеннер.

Я вышел из деканата, аккуратно прикрыв за собой дверь – только для того, чтобы буквально столкнуться с Генрихом Менски.

– О, Арди! – ухмыльнулся тот. – Пришёл договариваться насчёт пересдачи?

– И вам не болеть, наставник, – вежливо отозвался я. – В этот раз не о пересдаче. Просто приносил справку о практике.

– Уже успел разделаться с практикой? – поразился Генрих. – Вот что значит иметь хорошую лапу.

Я с укоризной посмотрел на него.

– Ладно, ладно, шучу, – сдал назад Менски.

– Знаю я эти шутки с очень размытой границей между шуткой и не шуткой, – недовольно отозвался я. – Не надо тут про лапу. Даже попроси я в самом деле Максакову, глубоко сомневаюсь, что она согласилась бы зачесть мне несуществующую практику. Да и Ивлич не стала бы. Есть определённые принципы, не зависящие от уровня отношений. Который, кстати, у нас с Максаковой весьма невысок.

– А вы с женой у самой Максаковой практику проходили, что ли? – поразился Генрих.

– Я бы скорее сказал, вместе с ней, – усмехнулся я. – Но если не вдаваться в детали, то ответ будет да.

– Ну и как она? – всерьёз заинтересовался тот. – В смысле, как начальник? У нас народ слегка волнуется... новая метла, всё такое.

– Ну мне-то она какой начальник? Я всего лишь студент, ей меня в микроскоп не разглядеть, – пожал я плечами, а Генрих жизнерадостно хохотнул. – Но мне она показалась человеком с принципами, и не особо склонной к интригам. Да и в Круге, насколько я знаю, её уважают. В целом я её пока не очень хорошо знаю – в прошлом у нас были кое-какие трения, и сейчас мы только начинаем друг к другу присматриваться. А насчёт метлы... изменения в любом случае будут. Прошлую реформу образования будут так или иначе откатывать назад, вопрос только какими темпами. Я не знаю, насколько Максакова в этой реформе замешана – она была в довольно близких отношениях с теми, кто её затевал. Но я думаю, что её участие вряд ли было заметным, иначе её не поставили бы главой Круга.

– Почему не поставили бы?

Да, что-то я слишком разговорился – полная история Греков с Кисой мало кому известна и, скорее всего, известной не станет.

– Хотя бы потому что эту реформу надо отменять, – объяснил я. – Странно было бы поручать это автору реформы, не так ли? Довольно о Максаковой, тем более мне больше нечего добавить, мы с ней в самом деле не настолько хорошо пока знакомы. Давайте поговорим о вас – я правильно понимаю, что вы до осени свободны?

– Не то чтобы совсем свободен, – осторожно ответил Генрих, – но в принципе, да, у меня отпуск до осени.

– Как насчёт немного подработать? Мне хотелось бы устроить нашим Владеющим хорошую тренировку и вообще как следует их расшевелить.

– А что они – плохо шевелятся?

– Да не то чтобы плохо шевелятся... просто мы по некоторым причинам последнее время не брали вольные контракты. Сейчас опять начинаем, но до осени большой нагрузки у дружины не ожидается. В результате кое у кого появилось слишком много свободного времени. Если с обычными ратниками проблемы нет, то с Владеющими сложнее. Они, конечно, подчинены своим сотникам, но те просто не в состоянии их полноценно занять. Вот тут вы бы нам и пригодились, особенно если с коллегами.

– Я не против подработать, – подумав, сказал Генрих. – С Эммой и Леей поговорю, они наверняка тоже согласятся. Лишние деньги всем нам пригодятся.

– Кстати, насчёт денег – Анна Максакова сказала мне удивительную вещь. Оказывается, чуть ли не половина преподавателей отработывает долг Академиуму. Я даже не подозревал, что это настолько массовое явление.

– Да сильно больше половины, пожалуй, – усмехнулся Менски. – Штатных здесь совсем немного. Нам с Леей, правда, всего два года осталось, а Магде вроде три. Но Академиум нам замену найдёт быстро, выбор у них большой.

– Вы про какую Магду говорите? – удивился я, уже подозревая, каким будет ответ.

– Да про Ясенева вашу, про кого же ещё.

– Надо же, как грамотно здесь поставлена работа с персоналом, – пробормотал я. – Хоть самому учиться. Ладно, наставник, подъезжайте к нам в Масляный, скажете, что в отдел персонала, охрана вас проводит. Там вас будут ждать, подпишете договор, и за работу. И на всякий случай напомню – за пределами Академиума я господин Кеннер, и никак иначе. Другое обращение будет не понято.

– Я это полностью осознаю, – серьёзно ответил Менски.

* * *

Далеко уйти у меня не получилось. Стоило завернуть за угол, как навстречу попался Бажан Второв – мой одноклассник по старшей школе.

– Какие люди! – с удивлением приветствовал его я. – Месяцами с тобой не встречаюсь, а стоило прийти в Академиум, когда здесь никого нет, и на тебе. Какими судьбами?

– Привет, Кеннер, – улыбнулся в ответ Бажан. – Вот, принёс заявку от «Мегафона» на мою практику. А ты как здесь оказался?

– Тоже насчёт практики, принёс справку о прохождении.

– Уже прошёл практику? – удивился Бажан. – Быстро у вас на боевом.

– Да, у нас быстро. Вырвал горло – практику прошёл. Вырвал печень – прошёл с оценкой «превосходно». Ну, сам понимаешь, им же надо нас кровью повязать. Сдаём-то быстро, только долго искать приходится кому вырвать, желающих маловато.

Бажан промычал что-то неопределённое – неужели всерьёз воспринял? Надо бы полегче с армейским юмором – не все с него смеются, некоторые, случается, и в обморок падают. Да и вообще лучше с этим поосторожнее, а то ведь и сам не заметишь, как начнёшь шутить в стиле покойного Шутника из Рифейска.

– Да шучу я, Бажан, шучу. Просто экспедиция очень быстро закончилась, сразу нашли что хотели. А практику всё равно целиком зачли. У тебя-то как жизнь?

– Да вот, женился в прошлом году, – с затаённой гордостью поведал Второв.

– О, поздравляю! На ком?

– Да ты их всех знаешь.

– Что, на всех четырёх? – поразился я и неожиданно для себя добавил: – Сочувствую.

– Чего это сочувствуешь? – надулся Бажан. – У меня всё хорошо. Заботятся.

– Тигру очень комфортно живётся в зверинце, но какой тигр не мечтает завалить антилопу? – выдал я красивую аллегория.

– С антилопами как раз проблем нет, – печально вздохнул Бажан. – Только успевай заваливать.

А ведь его предупреждали, и не раз. Но мужчины почему-то умнеют только после женитьбы, да и то не все. Впрочем, зачем я ему всё это говорю? Парню и без того непросто.

– Но и плюсов много, тут ты прав, – оптимистично заметил я.

– Много, – опять вздохнул Бажан. – А ты как? Женился?

– Да я же сразу после школы женился, ты забыл, что ли?

– Ну да, на Менцевой. А ещё?

– А на этом всё. Знаешь, Бажан, у меня плохо получается с женщинами управляться. С одной ещё более-менее удаётся, а с двумя мне будет уже не совладать.

Второв недоверчиво посмотрел на меня, и я решил, что пора заканчивать с обсуждениями личной жизни.

– А вообще как у тебя дела?

– Сложно, – Бажан помрачнел. – Уже начинаю жалеть, что пошёл на ремесленное. Всё оказалось совсем не так, как я себе представлял.

Зануду легко узнать по тому, что на вопрос «Как дела?» он начинает рассказывать, как у него дела. Впрочем, именно сейчас это действительно интересно – я всегда обращаю внимание на разные странные несоответствия.

– Ты меня удивил, Бажан. Я же помню, что ты всегда интересовался ремеслом – что случилось?

– Нет простора для творчества, – пожаловался тот. – Оказалось, что работа ремесленника сводится исключительно к выполнению стандартных операций.

– Ты что-то не то рассказываешь, – усомнился я. – Да взять хотя бы вашу семью – вы просто неприлично разбогатели как раз на творчестве. Вы сейчас, наверное, и сами могли бы построить завод вроде «Мегафона».

– Да, отец часто говорит, что нам надо бы выкупить вашу долю, – кивнул Бажан.

– Почтенный Милен всё никак не уймётся, – усмехнулся я. – Если ваша семья выкупит нашу долю, завод у вас просто отберут. Разве что у вас вдруг появится своя дружина со службой безопасности. «Мегафон» ведь уже пытались захватить – вы что, забыли об этом? Но на самом деле вы ничего не сможете выкупить, так отцу и передай. Завод «Мегафон» находится в особом списке стратегических предприятий, продать его акции можно только с разрешения княжества, и при этом княжество имеет преимущественное право выкупа. Если я вдруг решу продать свою долю, она вам не достанется, её выкупит князь. А потом заберёт и вашу – вы для князя никто, он с вами церемониться не станет. Милену давно пора бы понять, что вы живёте спокойно только потому, что находитесь за моей спиной.

– Это правда? – помрачнел Бажан.

– Бажан, я никогда не стану обманывать партнёра, – терпеливо объяснил я. – Во-первых, ложь отравляет отношения, а во-вторых, это просто урон чести. Но я понимаю, что для твоего отца это пустые слова. Поэтому пусть он проконсультируется у хорошего поверенного, который имел дело с дворянством. Тот ему всё подробно объяснит, а мне объяснять надоело. Милен у меня не единственный проблемный компаньон, мне такие компаньоны уже поперёк горла встали. Но вернёмся к тебе – с чего ты вдруг решил, что в ремесле нет простора для творчества?

– Понимаешь, – Бажан замялся, пытаюсь сформулировать свою мысль, – на самом деле имеет смысл производить лишь ограниченный набор артефактов, и этот набор не меняется уже лет пятьсот – ну, если не считать мобилок. А исследовательской работой занимаются совсем немногие, и свободных мест там нет. Когда я закончу Академиум, я буду просто сидеть и годами делать одно и то же. Как на конвейере.

– Твоя семья легко может финансировать твои исследования, – напомнил я. – Денег у вас для этого более чем достаточно.

– Я не хочу брать деньги от семьи, – насупился он. – Это, по сути, деньги отца и брата, моего вклада там нет.

– Вот как? – задумался я. – Но всё же объясни мне, пожалуйста – почему есть только ограниченный набор артефактов? У меня всегда было впечатление, что ремесло предоставляет неограниченное поле деятельности.

– Из чисто экономических соображений, – вздохнул Бажан. – Артефакты всегда очень дорогие, и в большинстве случаев можно найти более дешёвую альтернативу. Вот взять такой пример: я для курсовой проектировал косметический артефакт, даже на лекции ходил на лекарский факультет. Курсовую-то я сдал, а потом мой научный руководитель объяснил, в чём с ним проблема. Для достижения эффекта мой артефакт нужно носить практически постоянно несколько лет, но с тем же результатом можно просто пропить курс эликсиров. Высокая алхимия стоит дорого, но мой артефакт выйдет ещё дороже. Эликсиры дешевле и удобнее – и кому мой артефакт будет нужен? Вот и с остальным точно так же. Я могу сделать самозатачивающийся и самостерилизующийся скальпель, но лекарка сделает разрез точнее и чище просто пальцем, а для обычного медикуса мой скальпель будет слишком дорогим.

– Спасибо, Бажан, – искренне сказал я. – У меня в голове давно вертелась смутная идея, и сейчас ты помог ей, наконец, окончательно оформиться. А насчёт ремесла – не опускай руки, учись. Я думаю, наше семейство поможет тебе найти свою нишу.

– Что за идея? – с любопытством спросил Бажан.

– Идея совсем простая: если вещь плохо покупают из-за того, что она стоит дорого, то нужно продавать её очень дорого.

* * *

Я, как всегда, остановился полюбоваться забором. В самом деле красиво – не удивлюсь, если сюда вскоре начнут водить экскурсии. Может, и нам тоже что-нибудь этакое соорудить? Я немного поиграл с этой мыслью и с сожалением выбросил её из головы. Мне Зайка нужна живой и здоровой, а от такой затеи её точно удар хватит.

У проходной я снова остановился – когда я был здесь последний раз, эти ниши были ещё пустыми, но сейчас в них появились статуи. Кеннера Ренского узнать было несложно, достаточно вспомнить себя в зеркале. Хотя это мог быть, конечно, и прадедушка Ренольд, но вряд ли его стали бы увековечивать. Никакими особыми свершениями он не прославился, за исключением, конечно, женитьбы на Орианне Арди.

Зато насчёт статуи женщины на другой стороне ворот у меня никаких догадок не было. Это с одинаковым успехом могла быть как прапрабабушка Аста, так и какая-нибудь другая почитаемая Ренскими Мать. Жаль только, мне ничего не известно, кого они там у себя почитают. К своим архивам Ренские так меня и не подпускают – не отказывают, просто каждый раз это оказывается немного не вовремя.

Я зашёл в проходную, и охранники вытянулись. Никто толком не понимает мой статус у Ренских, включая самих Ренских, так что охрана на всякий случай относится ко мне, как к высокому начальству.

– Здравствуйте, – приветственно кивнул я. – Скажите, а чья это статуя женщины у входа?

– Сиятельной Асты, господин Кеннер, – отрапортовал охранник.

– Спасибо, я так и подумал. Сообщите сиятельной Стефе о моём визите.

Ренские, как обычно, всю эксплуатируют детский труд – целая стайка девчонок лет одиннадцати-двенадцати возилась с большой клумбой. Завидев меня, девочки вскочили и вежливо поклонились, и я поздоровался с ними, искренне улыбнувшись. Что ни говори, а дети у Ренских прекрасно воспитаны, их-то вряд ли понадобится отсылать в тундру, как Дамира Назимова. Хотя, если вспомнить маму... возможно, для спартанского воспитания у Ренских есть веские причины. А ведь мы тоже Ренские, и скоро нам уже на своих детях предстоит выяснить, как проявит себя непростая наследственность прапрадедушки Кеннера. Настроение у меня слегка подпортилось, и всю оставшуюся дорогу до особнячка Стефы я предавался невольным мыслям о проблемах воспитания подрастающего поколения.

К моему удивлению, у Стефы сидела и Ольга. Сёстры баловались чаем с плюшками – по нынешней погоде я предпочёл бы мороженое, но их, похоже, вполне устраивал горячий чай.

– Бабушка, здравствуй! Здравствуйте, Ольга.

– Обращайся уж лучше на ты, – проворчала Ольга, – сколько можно смешить окружающих. Здравствуй, Кеннер.

– Ты какой-то озабоченный, Кеннер, – заметила Стефа. – Что-то случилось?

– Просто задумался, – объяснил я. – О воспитании детей.

– Не рано? – с весёлым удивлением спросила Стефа. – Или Лена тебя уже обрадовала?

– Не-не-не, – помахал рукой я. – Мы договорились отложить детей до диплома. Просто там поздно будет задумываться, там надо будет уже воспитывать.

Обе заулыбались.

– Но вообще-то он правильно делает, Стефа, – заметила Ольга, немного погрустнев. – Если бы я больше думала и меньше воспитывала, может быть, дело и не зашло бы настолько далеко.

– Я вот, кстати, давно спросить хотел, – торопливо сказал я, уходя от опасной темы. – Ваше суровое воспитание молодёжи – это просто традиция такая, или это как-то связано с наследственным характером Ренских?

Они непонимающе смотрели на меня, и я поспешил пояснить:

– Просто хочу понять, чего нам ждать. Мы ведь тоже Ренские, так что наверняка у нас всё то же самое будет. Может, и нам необходимы трудовая повинность, игрушки из сучковатых чурбачков, и никаких денег на мороженое?

Они посмотрели друг на друга, и Стефа сказала:

– Да у нас просто издавна так повелось, что дети должны с ранних лет привыкать к труду и учиться самим зарабатывать деньги. Каких-то особенных проблем с молодёжью у нас нет.

– А среди потомков Кеннера?

Они опять переглянулись и совершенно одинаково усмехнулись.

– Нет, Кеннер, – ответила Стефа. – Среди потомков деда только мы с Олей, да Мила оказались сумасшедшими. Отец в юности ничем таким не отличался, в других линиях с молодыми тоже всё нормально. Но на твоих детей будет, конечно, интересно посмотреть, особенно на девочек. Вдруг это и в самом деле такой привет от бабушки Асты?

– Да уж, – грустно сказал я, – а я то надеялся, что вы развеете мои сомнения.

– Зато честно ответили, – пожала плечами Стефа. – А хочешь, я тебя развеселю?

– А я точно развеселюсь? – с подозрением спросил я. – Ну, попробуй.

– Ты же знаешь, что целая толпа народа отслеживала твои счета?

– Нет, не знаю, – удивился я. – А зачем?

– А вы сами такого не делаете, что ли? – в свою очередь удивилась Стефа.

– Делаем иногда, конечно, когда кто-то нас по каким-то причинам интересуется.

– Ну вот и ты многих интересуешь. И вот внезапно на твой счёт приходит огромная сумма. Все оживились, начали копать, но никто так и не понял, что это и откуда. Через некоторое время новое поступление, ещё больше, и опять непонятно, из какого источника, и за что.

Похоже, она говорит про переводы от Бернара за алхимию. Пока Стефа это рассказывала, Ольга пристально за мной наблюдала, но я продолжал слушать с выражением вежливого внимания.

– Некоторые решили, что ты сделал какую-то глупость, и в Податный приказ поступили два анонимных доноса...

– Три, – поправила её Ольга.

– Вот как? Значит, мои сведения немного устарели. Тебя оттуда не беспокоили?

– Нет, в первый раз слышу про какие-то доносы, – покачал головой я. – Из Податного нас не беспокоили, Кира мне бы обязательно сказала.

– Отчего-то я так и подумала, – широко улыбнулась Стефа. – А дальше пришло новое такое же перечисление. Здесь уже один глава семейства, не буду называть фамилию, сам узнаешь, если захочешь – так вот, он не выдержал и направил в Дворянский Совет официальное требование о расследовании доходов неясного происхождения, полученных, возможно, с нарушением закона.

– Вот же нечего делать людям, – покрутил я головой.

– И знаешь, чем это кончилось? Ему пришёл официальный ответ из одной строчки: «Дворянский Совет не видит оснований для расследования», подписанный – ты не поверишь! – каким-то младшим делопроизводителем. Мне по секрету рассказали, что этот самый глава в бешенстве разнёс свой кабинет. Ещё бы – так мордой в грязь макнули!

– Вот чего я точно не стану делать, бабушка, так это нарушать закон, – ответил я. – Хотя бы потому, что всегда найдётся такой вот бдительный гражданин, который с удовольствием состряпает донос.

– Мы с Олей знаем, что ты не стал бы нарушать закон, – согласилась Стефа. – Поэтому с интересом наблюдали за этой историей. И особенно интересно было увидеть, как наглядно всем продемонстрировали, что доносить на тебя – дело совершенно бесполезное и даже, наверное, вредное.

Ты даже не представляешь себе, бабушка, насколько вредное. Интересоваться деньгами и учредителями мутной фирмы «Заря востока» – это самый верный способ остаться без головы, так что этот самый глава семейства ещё очень легко отделался. Потому что в составе учредителей имеются разные ах какие люди, и даже ах какой князь, а эта публика очень не любит чрезмерно любопытных. Для начала просто вежливо намекнули, а вот потом непонятливым уже начнут отрывать головы.

– Донос – это вообще дело сомнительное с моральной точки зрения, особенно для дворянина, – заметил я.

– Вот и князь наверняка так же подумал, – согласно кивнула Стефа. – Потому что после этого в банк пришли люди князя. Что там происходило – неизвестно, но банковские работники от взяток теперь шарахаются, будто им предлагают выпить яду, и получить хоть какую-то информацию о твоих счетах с некоторых пор совершенно невозможно.

– Я бы не сказал, что я так уж сильно развеселился, – отозвался я. – Но история и в самом деле интересная, я её раньше не слышал.

– Ну, может быть, и вправду не слышал, – с сомнением сказала Стефа. – Это всё довольно тихо происходило. Мы просто интересовались, вот и были в курсе.

– Тоже за моими счетами присматривали?

– Кому, как не родственникам, – развела руками Стефа.

– Ну, развлекайтесь дальше, – хмыкнул я.

– Нет, дальше мы не рискнём, – улыбнулась Стефа. – Мы понимаем намёки. Но что это мы о всякой чепухе – ты, наверное, по какому-то делу к нам?

– Дело тоже есть, – признался я, – но оно просто заодно. Ни важности, ни срочности в нём нет. Можешь мне не верить, но я пришёл просто повидаться. Давно не заходил, а сейчас опять полечу в Рифеи, и снова долго не зайду.

– Опять в Рифеи? – Стефа снова переглянулась с Ольгой, а в эмоциях проскользнуло что-то непонятное. – Что-то зачастил ты туда. Может, тебе помощь какая нужна?

– Нет, ничего не нужно, спасибо. С проводником мне тогда Анна очень помогла, а сейчас я дорогу знаю.

Они смотрели на меня с непонятным выражением, то ли как на сумасшедшего, то ли как на приговорённого. Я так и не понял, что они себе вообразили, и решил, что надо бы пояснить.

– Князь хочет карл под свою руку подтянуть, поручил это дело мне. Полечу договариваться. Ну и новый форпост будем в Рифеях ставить, одного Рифейска мало.

– Однако! – не выдержала Ольга. – Понятно теперь, почему князь не позволяет никому даже глянуть в твою сторону.

– Ольга, я клянусь честью, что у меня нет никаких сомнительных доходов, и я не веду никаких сомнительных дел, – с раздражением сказал я. – С чего бы я стал давать князю такой рычаг воздействия на меня? Он же на махинации не просто так глаза закроет, будешь за это подпрыгивать по команде как миленький. Зачем мне такое удовольствие? Никакие деньги этого не стоят. Дворянский Совет не стал у меня ничего расследовать, потому что знает, что там нечего расследовать.

– Ну и заработаешь на этом неплохо, наверное? – спросила Стефа.

Я раздражённо поморщился на привычный уже намёк.

– А почему бы и нет? Князь мне жалованье не платит, с чего бы я стал такими вещами даром заниматься? Я вообще за этим не рвался, только почему-то других желающих заработать не нашлось, вот князь на меня это и повесил. Может, вы желаете заработать? Охотно уступлю этот заработок, у меня других дел хватает.

– Ладно, ладно, не злись, – успокаивающе сказала Стефа. – Если ты действительно сумеешь карл как-то к княжеству привязать, то любой заработок будет заслуженным. Они ведь с наружниками в принципе дел иметь не хотят.

– А к нам-то у тебя что за дело, Кеннер? – спросила Ольга.

– К вам? Да хотел вам небольшой подряд предложить. Нам то самое подzemелье здорово мешает. Цеха, которые там сверху были – это просто коробки, а нормальные многоэтажные здания весят сильно больше. Могут и провалиться, пожалуй, так что внизу придётся что-то делать. Укреплять как-то дополнительно, сваи ставить, в общем, нужны люди, которые хорошо камень понимают.

– Можем взяться, почему бы и нет, – кивнула Ольга. – А как ты уговорил Морену подzemелье почистить?

– Всё ясно, – после краткого замешательства сообразил я. – Норит опять появился у Анны, она из него всё вытряхнула и доложила вам.

– Доложила, – с улыбкой призналась Ольга. – Так как?

– Да она хотела, чтобы мы с Леной сами с её тварями разобрались, сказала, что сил у нас хватит. Я действительно пару способов придумал, но нам их было не потянуть, она нас сильно переоценила. В общем, она увидела, что мы не справляемся, и сама их забрала.

Они продолжали вопросительно на меня смотреть, ожидая продолжения.

– Ну как, как – просто пришёл к ней и попросил. Она не против была, но с чего-то вдруг решила устроить нам с Леной что-то вроде испытания. Очень была недовольна тем, что мы не справились.

– Похоже, настоящего ответа мы от тебя не добьёмся, – вздохнула Стефа.

Глава 4

Пора было снова лететь в изрядно поднадоевшие Рифеи, но оставалось ещё одно дело. Дело малоприятное, но, к сожалению, обязательное, и откладывать его дальше было уже невозможно. Поручение было дано давно, и в любой момент князь мог поинтересоваться: а что там у тебя, Кеннер, с княжеским заданием – какие успехи? Или, может быть, есть какие-то трудности? Ответ, что у меня не было времени этим заняться, князя вряд ли удовлетворит. Вот сейчас я и подходил к резиденции Акила Грека, сам ещё не вполне понимая, что же мне от него нужно.

Ветвь сестры Остромира – матери Акила, – жила практически в противоположном конце города от основной резиденции Греков. Исторически здесь обосновались вассалы Греков – небольшая семья Славских, и когда сестра Остромира Грека вышла замуж за одного из Славских, она поселилась у мужа. Её дети и внуки остались жить там же – то ли это говорило о натянутых отношениях ветвей, то ли просто так сложилось. Впрочем, сейчас это было уже неважно – ветвь сестры стала Грек-Славскими и окончательно отделилась, а главная ветвь активно собирала чемоданы.

У ворот уже топтался встречающий.

– Здравствуйте, господин Кеннер, – вежливо поклонился подросток лет шестнадцати. – Мне приказано вас проводить.

Слугой он определённо не был, и это было хорошо – встретить меня слуга, я бы просто развернулся и ушёл. Акил, конечно, сейчас не в том положении, чтобы показывать характер, но кто знает, что там у него в голове творится.

Хотя для ритуала встречи не существовало никаких формальных правил, он был очень важен – именно таким образом хозяева прямо с порога демонстрировали отношение к посетителю и определяли атмосферу визита. Нюансов было много, и их очень внимательно отслеживали. Например, у Тириных нас всегда встречала наследница рода Анета, и это говорило о том, что нас принимают как близких родственников. У Хомских меня встречала Влада – учитывая наши отношения с Беримиром, это сразу намекало на то, что она наследница Хомских, пусть и не объявленная пока официально. А в данном случае встреча безымянным юным членом семьи показывала приветливое отношение без оттенка угодливости. Как раз то, что нужно – мы не враги и не друзья, и друзьями вряд ли станем, пусть даже с этой ветвью у нас серьёзных трений и не было.

Дом у Славских был довольно оригинальным – начинался он явно с достаточно скромного особняка. По мере того как семья увеличивалась, Славские не перестраивали его, а добавляли флигели и надстраивали этажи. В результате резиденция выглядела необычной комбинацией стилей, впрочем, на удивление гармоничной. Эклектика редко смотрится хорошо, но исключения всё-таки бывают.

Подросток довёл меня до гостиной на первом этаже, открыл передо мной дверь и, не сказав ни слова, испарился. Какой вежливый мальчик. В гостиной обнаружили какая-то женщина и Акил Грек, или, если уж быть точным, Грек-Славский, который поднялся мне навстречу.

– Здравствуйте, господин Кеннер, – поздоровался Акил. – Позвольте представить вам мою мать, Радмилу Грек-Славскую.

– Рад знакомству, госпожа Радмила, – вежливо поклонился я, и она в ответ наклонила голову, внимательно меня разглядывая.

Матушка Акила определённо не замыкалась на домашнем хозяйстве. Суровое лицо и пронзительный взгляд буквально кричали о том, что дама привыкла рулить и, вполне возможно, рулила и Акилом тоже. Ну, может, и не рулила – Акил не производил впечатления

человека, который позволяет собой рулить, – но наверняка имела в семье достаточно весомый голос. Да и то, что она присутствовала на этой встрече, тоже о многом говорило.

– Прошу вас, присаживайтесь, – указал на свободное кресло Акил. – Чай, кофе?

– Благодарю вас, ничего не нужно, я только что пообедал, – предпочёл отказаться я.

– Надеюсь, у вас всё в порядке? Мы слышали о каких-то трудностях на вашем новом участке.

Правила хорошего тона диктуют, что сначала нужно поговорить о разных пустяках, не связанных с темой визита. Можно ли этот вопрос отнести к пустякам? Впрочем, он был задан таким лёгким тоном, будто речь шла о погоде.

– Есть трудности, – энергично кивнул я, – и не просто трудности, а серьёзная проблема.

Радмила так и продолжала сверлить меня взглядом. Что она пыталась во мне высмотреть – загадка. Хотя, может быть, просто пыталась смутить и вывести из себя.

– О, – вежливо приподнял бровь Акил.

– Представляете, там обнаружилось большое подземелье, – продолжал я с видом человека, которому не терпится поделиться своими переживаниями, – и мы просто не понимаем, что с ним делать, и как можно построить сверху что-то серьёзное. Туда же нормальное здание просто провалится! Я бы вернул этот участок, но князья люди не хотят забирать его обратно. Ну, кто бы сомневался, что они не захотят.

– Безобразие, – посочувствовал он. – И что же теперь делать?

– Специалисты ищут варианты, – пожал я плечами. – Лично я предпочёл бы залить это подземелье бетоном и забыть о нём навсегда, но даже не представляю, в какую сумму такое решение обойдётся. В общем, проблема имеется.

Акил понимающе покивал.

– А как у вас дела? – в свою очередь, поинтересовался я. – Насколько я понимаю, вы успешно завершили процесс отделения ветви?

– Да, это уже свершившийся факт, – подтвердил он. – Мы теперь самостоятельное семейство Грек-Славских. Осталось только согласовать новый герб с Геральдической палатой.

– А кстати, Славские по-прежнему вассалы?

И в самом деле, интересный вопрос. У вассалов Греков настало сложное время. Бросать всё нажитое и уезжать вместе с Греками во Владимир – вариант не очень привлекательный, но выходить из вассалитета и оставаться здесь наедине со старыми врагами тоже мало кому захочется.

– Они теперь наши вассалы, – твёрдо заявил Акил. – Документы о смене вассалитета уже переданы в Дворянский Совет.

Ну, не такой уж и плохой выход из положения. Неясно, правда, насколько Грек-Славские способны защитить своих вассалов, но это всё же лучше, чем остаться в одиночестве в окружении врагов.

– Ну что же, поздравляю, – сказал я. – Собственно, мой визит косвенно как раз с вашим отделением и связан.

– Вот как? – насторожился он.

– Если вы помните, князь распорядился, чтобы я контролировал ваше семейство. Так вот, я не понимаю, в чём этот контроль мог бы заключаться. Даже если бы я пожелал контролировать ваши операции и связи – чего я совершенно не желаю! – у меня просто нет такой возможности. Информацию о ваших делах я могу получать только от вас, что делает любой контроль фикцией. Но с другой стороны, имеется недвусмысленный приказ князя, и я хотел бы вместе с вами попробовать разобраться, что нам с этим делать.

– А что по этому поводу сказал сам князь? – поинтересовался Акил.

– В том-то и дело, что ничего, – лицо у меня непроизвольно омрачилось при этом воспоминании. Когда я попытался выяснить у князя, что я конкретно должен делать, он раздражённо

отмахнулся от меня со словами «Сам разберёшься!». В результате мне ничего не оставалось, кроме как идти к Акилу, чувствуя себя при этом полным идиотом.

– Я думаю, он ничего не стал говорить, потому что вам не надо ничего делать, господин Кеннер, – вежливо пояснил Акил.

У Радмилы промелькнула тень улыбки, а во мне начало укрепляться подозрение, что я не только чувствую себя идиотом, но им и являюсь.

– Поясните, пожалуйста, – попросил я. Раз уж продемонстрировал, что ничего не понимаю в ситуации, то надо задавать прямые вопросы, хуже от этого не будет.

– Дело в том, что у семейства Грек накопилось довольно много врагов. В основном у главной ветви, но их трудно будет достать во Владимире, а мы рядом. А некоторые и не захотят разбираться, что там у нас за ветви. И конечно, наши возможности защититься даже близко не сравнить с теми возможностями, которые были у единого семейства. Вот и получается, что нашей ветви придётся расплачиваться за грехи всего семейства.

Я внимательно слушал, уже начиная понимать, что ничего хорошего не услышу.

– Вот поэтому мы и попросили князя об опеке, это было нашим обязательным условием, – закончил свой рассказ Акил. – Ну и попросили назначить контролирующим семейством вас, и князь на это согласился.

– И в чём в таком случае состоят мои обязанности?

– А вы ещё не познакомились с положением о княжеской опеке?

– Мне никто не сообщил, что речь идёт о какой-то опеке, – с досадой сказал я. – Князь просто сообщил мне, что я буду вашим контролёром.

– Извещение об опеке было опубликовано в вестнике реестра. Вам нужно было просто зайти в княжескую канцелярию и взять копию княжеского указа, они бы там и объяснили все непонятности.

Кто читает вестник дворянского реестра? Более скучное и бесполезное чтение ещё поискать – за редким исключением, этот вестник заполнен важными новостями вроде пожалования мещанину Пупкину ненаследственного дворянства. Редкие же исключения представлены известиями вроде возвращения ненаследного дворянина Дудкина в мещанское сословие. Но похоже, теперь придётся загрузить Миру ещё и этим чтением.

– Я только что вернулся из поездки и не успел ещё ознакомиться, – довольно жалкое оправдание, но другого у меня не нашлось.

– Если совсем коротко, то мы выплачиваем князю ежемесячно некоторую сумму, из которой часть уходит вам, а вы взамен обеспечиваете нам защиту. Там есть ещё кое-что, но остальное уже мелочи, в основном всё сводится к этим двум пунктам.

Похоже, без меня меня женили, а я ни сном, ни духом. Вот теперь я окончательно понял, зачем Акил заплатил нам виру, которую мы не просили – он за относительно небольшие деньги купил своему семейству безопасность. И отказаться стать контролёром я уже не мог – правильно князь тогда сказал, что Акил умный, а я не очень.

– То есть я обязан за вас воевать? – уточнил я без лишних иносказаний.

– Я уверен, что воевать не придётся, – успокаивающим тоном ответил Акил. – Ни у кого из наших врагов нет достаточно серьёзных претензий, чтобы из-за них начинать войну с вами. Да и сил для этого ни у кого из них не хватит – мы потому и просили князя назначить вас контролирующим семейством, что с вами никто точно не захочет связываться.

– И на какой срок на меня возложили эту обязанность?

– На два года. Но вообще-то, мы предпочли бы стать вашими вассалами.

– Вассалами? – непонимающе нахмурился я. – Зачем вам это нужно?

– Если сеньор достойный, то стать вассалом – цель не менее достойная, – слишком уж напыщенно ответил Акил. – Князь не против замены опеки на вассалитет и обещал нам подействовать в этом вопросе. Он говорил с вами об этом?

– В таких вопросах я никому не позволю влиять на себя, и князь не исключение, – немного резковато отозвался я.

Можно и не спрашивать, зачем это нужно Акилу, это и так понятно. Ему таким образом будет полностью гарантирована защита, и он сможет надолго, или даже навсегда забыть о врагах. Да и они, скорее всего, предпочтут о нём забыть. При этом он знает, что я не стану злоупотреблять правами сеньора, а наоборот, буду помогать вассалу.

Зачем это нужно князю, тоже легко догадаться – я таким образом приму полную ответственность за Греков, и он с полным правом будет спрашивать за них уже с меня. И за прошлое, и за настоящее, а зная нашего князя, заодно и за будущее.

Непонятно только, зачем это нужно мне. Что я с этого получу? Да по сути, ничего – Греки никак не усилят наше семейство. Они не сделают нас ни богаче, ни влиятельнее. Да и вообще, учитывая все обстоятельства, семейство Грек-Славских – актив довольно сомнительный.

Я уже раскрыл было рот, чтобы ответить то же, что раньше отвечал князю: у нас слишком маленькая семья, чтобы брать вассалов. Но вдруг осёкся и задумался: а при чём здесь размер семьи? Какая разница, большая она или маленькая? Но если я совершенно на автомате это говорю, значит, подсознание подсказывает мне, что разница всё-таки есть. И действительно, обратив на это внимание, я почувствовал, как что-то зудит на краю сознания. Я глубоко задумался, пытаюсь поймать ускользающую мысль, а Греки терпеливо ждали моего ответа.

Пришлось немного подумать, но через пару минут я сумел эту мысль уловить. Собственно, я сразу угадал, в какой стороне искать ответ, а если бы вассальное право было мне чуть более интересно, то и угадывать бы не пришлось.

Каждый дворянин должен знать наизусть Дворянский кодекс – впрочем, это в теории, а на практике большинство, вроде лентяйки Ленки, ограничивается его упрощённой версией для детей и подростков, которая называется «Дерево чести благородной». Учат его главным образом главы семейств – из тех, что поответственнее. Однако на самом деле одного кодекса недостаточно – жизнь дворянства регламентируется не столько писаными законами, сколько устоявшимися правилами и традициями. Кодекс определяет скорее основные принципы, а тот же Суд Дворянской Чести в большинстве случаев руководствуется сборниками прецедентов, которых насчитывается сорок шесть томов. Как ответственный глава семейства, я эти сборники тоже изучал. Помнить всё я, разумеется, не помнил – для того, чтобы помнить все прецеденты со связанными ссылками, нужно заниматься этим профессионально из дня в день. Но помнить всё и не требуется – достаточно общего знакомства с прецедентами, чтобы в нужный момент уловить неоднозначность ситуации и понять, что здесь надо тщательно разбираться со всеми нюансами. Вот как сейчас.

– А скажите, господин Акил, – спросил я, пристально на него глядя, – вам знаком прецедент, который называется «Ненадлежащее радение сеньора»?

Взгляд Акила дёрнулся в сторону, и я понял, что прецедент ему прекрасно известен. А он понял, что я это понял, и соврать не решился:

– Знаком, – ответил он хмуро, – но я не думаю, что его можно отнести к нашему случаю.

Я рассеянно покивал, но ничего говорить не стал. Зачем? Мы с ним оба прекрасно понимали, что к нашему случаю этот прецедент относится просто замечательно.

Прецедент был довольно необычным, и, насколько я знаю, другого подобного не было. Суть его состояла в следующем: есть у нас аристократическое семейство Стахович – довольно незначительное, но весьма старое. Когда-то в незапамятные времена оно было вассальным, и когда семейство-сеньор по каким-то причинам пришло в упадок, Стаховичи обратились в Суд Дворянской Чести с жалобой на ненадлежащее радение сеньора о вассале. Суд долго разбирался и спорил, но в конце концов вынес решение: поскольку сеньор не в состоянии поддерживать нормальное существование фамилии, и учитывая важность сохранения фамилии, передать права и обязанности сеньора фамилии семейству Стахович. Таким образом, сеньор

и вассал поменялись местами. Фамилия, однако, всё равно существовала недолго – аргументируя тем, что у вассала не осталось мужчин для должного управления семейством, и ответственностью сеньора, Стаховичи оформили опеку над семейством бывшего сеньора и довольно спорно выдали оставшихся женщин замуж в другие семьи. В результате такой незамысловатой комбинации бывший сеньор канул в Лету, оставив всё имущество Стаховичам – которые таким образом очень наглядно продемонстрировали, что в их понимании есть надлежащее радение о вассале. Впрочем, даром им этот фокус не прошёл – репутацию они испортили навсегда, и даже спустя сотни лет другие семейства никаких дел с ними предпочитают по-прежнему не иметь.

А теперь представим, что единственный мужчина семьи куда-то сгинул, что с моим образом жизни вполне вероятно. Думаю, перевести сеньора в вассалы и наложить опеку с таким прецедентом будет совершенно реально. Времена, конечно, сейчас другие, и разобраться с женщинами, тем более с моими, подобным образом вряд ли выйдет, но оторвать солидную часть нашего имущества удастся без всякого труда. Что приводит нас к неизбежному вопросу: а не рассчитывают ли, часом, Греки именно на такой вариант? Во всяком случае, у меня сложилось стойкое впечатление, что эту возможность они учитывают, и при случае обязательно ею воспользуются.

– Думаю, вы понимаете, господин Акил, – сказал я, вставая, – что вариант с вассалитетом для нас неприемлем, и это окончательное решение. Прошу прощения за то, что побеспокоил вас напрасно. В самое ближайшее время я выясню всё о моих обязанностях в рамках княжеской опеки, и, разумеется, буду их неукоснительно выполнять.

* * *

– Ну что, мама, – вздохнул Акил, оставшись с матерью наедине, – не сработала твоя идея? Зря я тебя послушал.

– Попробовали – не сработало. Ну и что? – равнодушно откликнулась Радмила. – Если бы не попробовали, было бы точно то же. Мы ничего не потеряли.

– Отчего же не потеряли? Он сразу вспомнил прецедент. И наверняка решил, что у нас есть расчёт при удобном случае наложить лапу на его имущество.

– Недоказуемо, – небрежно отмахнулась она.

– А мы в суде, что ли? Ему доказательства не нужны, он и так всё понял. Отношения с ним мы подпортили, это точно.

– Даже если и подпортили, что с того?

– Как что с того? – возмутился Акил. – Нам нужна защита. Или ты считаешь, что желающие дать нам защиту прямо толпятся у ворот? Если бы удалось наладить хорошие отношения с Кеннером, то он нас полностью прикрыл бы, и ничего особенного за это не потребовал. А сейчас непонятно, как сгладить впечатление от этой дурацкой попытки.

– Мы нормально существовали до всяких Арди, и точно так же их переживём, – с ноткой презрения ответила Радмила.

– Скажи это снова через два года, мама, – хмуро посоветовал ей Акил. – Мы нормально существовали, пока имя Греков что-то значило. А через два года нам припомнят и наши грехи, и делишки дяди Остромира.

– Вот через два года и будем думать, – отрубил Радмила. – Что ты суетишься раньше времени? Наверняка дело ещё не закончилось, может, князь и заставит его взять нас в вассалы. Он же обещал на него надавить.

– Князь обещал с ним поговорить, а не надавить. Давить с таким делом он не может. Да если бы и мог, на Арди он давить не станет.

– Не станет, и не станет, – махнула рукой Радмила. – Всё будет нормально, не паникуй.

– Зря я тебя послушал, – мрачно повторил Акил.

* * *

– Опять на курьере лететь, – печально вздохнула Ленка, стоя над раскрытым чемоданом в размышлениях, как туда уместить отобранную гору одежды.

– Ну, хоть не на нашей «Бодрой чайке», у Ганы большой курьер, – откликнулся я. – Но я понял, о чём ты. Своё обещание я помню, но ты пойми, что дирижабль – это не самобег. Его невозможно купить, просто придя в салон. Даже обычный грузопассажирский, который вряд ли нас устроит. Сейчас нам готовят индивидуальный проект, обещают за месяц закончить и передать в производство. К зиме его должны построить, а до той поры придётся летать на курьерах.

– А вообще, как дирижабли приобретают? – заинтересовалась Ленка.

– Как правило, арендуют, – ответил я. – Иногда с выкупом, чаще без. И обычно это компания; дирижабль – вещь очень недешёвая, одной семье его довольно накладно содержать. Нам тогда повезло, что подвернулась «Фрейя», и Линдквисты согласились нас взять. На дирижабль нормальной компании такую мутную семейку вряд ли бы наняли, и я даже боюсь представить, что эта парочка, Лина с Ганой, в таком случае могла придумать. Засунули бы нас в паровозную бригаду, или что-нибудь ещё почище.

– То есть просто купить дирижабль вообще невозможно?

– Только если курьер, но курьер у нас и так есть. Всё, что больше курьера, делается на заказ. Можно арендовать грузопассажирский, но там каюты немногим лучше тех, что на курьерах, да и вообще грузопассажирские слишком медленные для нас. В общем, придётся ждать до зимы, потерпи. И раз уж ты взялась укладывать вещи – возьми ещё пару приличных платьев.

– Зачем? – поразила Ленка.

– Ну, мы же обязательно в Рифейске появимся, нам там заправляться придётся. Там наверняка есть какое-то общество, возможно, нас куда-нибудь пригласят.

– А оно нам нужно, их рифейское общество? – скептически спросила Ленка.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Может, и нужно. У нас появились интересы в тех краях, вполне возможно, что потребуются какое-то присутствие в Рифейске. Знакомство с местной верхушкой нам сильно поможет, а если мы их оскорбим демонстративным игнорированием, то наоборот. Так что бери платья. И ещё подумай, что можно подарить Старой Ондатре. Кальциту я ответный подарок нашёл, а вот с Ондатрой уже всю голову сломал и ни до чего не додумался. Хоть духи дари.

– Что-то же лесные у внешников берут? Может, что-нибудь из этого, только качеством лучше?

– Иголки, ножницы и прочую металлическую дребедень, – вздохнул я. – Для подарка вождю племени не особо подходит. Ладно, буду дальше думать, и ты тоже подумай.

Глава 5

Меня разбудил не слишком деликатный стук в дверь каюты, и я не сразу сообразил, что это уже не часть сна, в котором я куда-то ехал на поезде. Стук вскоре повторился, и я, наконец, сумел проснуться. Дверь я открывал, ещё не вполне осознавая реальность.

– Господин, капитан велел передать, что мы подлетаем, – выпалил юнга и метнулся прочь.

Я попытался поймать его за шиворот, но в полусонном состоянии нечего было и пытаться соревноваться с шустрым подростком. Медлительных юнг не бывает, такие просто не выживают в процессе естественного отбора. Я протёр глаза и посмотрел на часы – почти восемь. Что-то я и в самом деле разоспался.

– Здравствуйте, господин Кеннер, – приветствовал меня капитан, когда я, уже умытый и одетый, зашёл в рубку. – Мы почти прибыли. Где прикажете бросить якорь?

– Давайте причалим там же, где была наша первая стоянка, – прикинул я. – Только немного ближе к тому лесу, куда мы ходили с сиятельной Драганой. Скажем, сажень в двухстах от опушки. Ближе не надо, чтобы не нервировать аборигенов, но и дальше не стоит.

Капитан кивнул и отдал распоряжение рулевому: «Аким, два румба правее».

– А скажите, капитан, – я вспомнил, что забыл прояснить некоторые важные вопросы, – вас же поставили в известность, что я являюсь полноправным распорядителем всего имущества сиятельной Драганы Ивлич, включая ваш дирижабль? Во всяком случае, до её возвращения.

– Да, господин Кеннер, – капитан резко напрягся. Ну, я его понимаю – от нового владельца всегда непонятно чего ждать. Обычно ничего хорошего.

– Собственно, для вас ничего не изменится, можете на этот счёт не волноваться. Разумеется, мои сотрудники проведут полную ревизию – сами понимаете, нам нужно выяснить, что, собственно, за сокровище свалилось нам на руки. А потом будете трудиться как трудились. Впрочем, об этом рано говорить, подождём результатов ревизии. И вот ещё вопрос: а как вас зовут? Я что-то совсем пропустил момент представления.

– Я Ефрем Шатилов, господин Кеннер. На «Иволгу» пришёл помощником пять лет назад, а два года назад стал капитаном после того, как старый капитан ушёл на повышение.

«Ушёл на повышение» – какая интересная фраза. Звучит так, будто у Драганы целый воздушный флот, но я-то точно знаю, что этот дирижабль у неё единственный.

– А скажите, почтенный – вы служащий именно Драганы Ивлич?

– Я прикомандирован, – помявшись, признался капитан.

– То есть дирижабль принадлежит сиятельной Драгане, а команду предоставил князь – так?

– Так, господин Кеннер. Это считается секретным подразделением, мы все давали подписку.

Ну вот и объяснилось, каким образом этот дирижабль оказался приписанным к закрытой части порта.

– Давайте тогда проясним важный вопрос, капитан: кому вы подчиняетесь?

– Пока я прикомандирован к этому дирижаблю, я подчиняюсь вам. Как до этого подчинялся сиятельной Драгане.

– Очень хорошо, – кивнул я. – Среди членов команды есть кто-нибудь с двойным подчинением?

– Если и есть, я об этом ничего не знаю. Я подчиняюсь только вам.

Всё верно, нельзя заставлять капитана стучать на владельца судна, это как-то даже некультурно. С тем же успехом стучать может и старший помощник, это гораздо приличнее. Думаю, здесь как минимум половина команды докладывает людям князя о каждом чихе. В

общем-то, понятно зачем – именно таким образом князь и отслеживает все поставки, это гарантия, что мимо него ничего не пройдет. Жаль, жаль – я рассчитывал попользоваться этим дирижаблем и в своих целях, но мне такой плотный надзор, конечно же, ни к чему. Придётся по-прежнему летать на «Бодрой чайке», вот Ленка-то будет счастлива. Но ничего, потерпит ещё немного, а там уже появится и наш новый дирижабль со спальней, гардеробной и ванной.

За всё время, пока мы бросали якорь, и швартовная команда крепила растяжки, аборигены никак себя не проявили. Но за нами, несомненно, пристально наблюдали – как сказал капитан, груз он всегда получал в другом месте, так что незапланированный визит никак не мог пройти мимо внимания местных обитателей. Однако никто не показался и тогда, когда мы с Ленкой спустились по верёвочной лестнице и неторопливо зашагали к лесу.

– Зря ты всё-таки пошла, Лен, – с оттенком досады заметил я. – У них женщин мало, они друг у друга их отбирают. Затеют ещё какую-нибудь глупость.

– Кени, ты ведь хочешь убедить Ондатру, что способен заменить Драгану, разве нет?

– Ну да, хочу, – подтвердил я.

– И как ты сможешь её убедить, если сам себя убедить не можешь? – с иронией спросила Ленка. – Она твоё настроение обязательно почувствует. Ты должен быть абсолютно уверен, что всех там сможешь положить, если понадобится.

– Я уверен, – недовольно отозвался я. – Просто если кто-то попытается тебя уволочь, я его убью, а труп – это неудачное начало деловых переговоров.

– Наоборот, – засмеялась Ленка. – Ондатра без пары трупов нам не поверит. Наверняка придётся кого-то убить.

– Ну-ну, – пробурчал я. – Надеюсь, мы всё-таки без этого обойдёмся.

На опушке нас никто не окликнул и не встретил, но я чувствовал слева и справа потоки внимания. Мы прошли уже довольно далеко по хорошо знакомой мне тропинке, прежде чем дорогу нам заступила та же самая знакомая мне парочка – здоровенный грубиян и его молчаливый товарищ. Заговорили мы одновременно:

– Ты тут бессменный часовой, что ли? – с любопытством спросил я.

– Девку нам привёл? – радостно осклабился здоровяк. – Это ты правильно сделал!

Ленка посмотрела на меня с недоумением.

– Кени, это что ещё за чучело? Ты его знаешь?

– Морду ему набил разок, – пояснил я. – Это местный мазохист. Чертополохом его зовут или, может, каким-нибудь другим сорняком.

– Что, в самом деле мазохист? – заинтересовалась Ленка.

– Да просто нравится ему по морде получать. Не знаю, как такое по-научному называется, мазохизм, по-моему, всё-таки другое. Вот веришь, нет – такие люди действительно есть, и он как раз из них.

– Да почему же не верю, – рассудительно ответила Ленка. – У нас в школе такая была, я её четыре раза била, она всё успокоиться не могла. Так что – нужно этому по морде дать, и тогда путь откроется?

Пока мы вели эту непринуждённую беседу, Чертополох наливался краской. Глаза у него сделались уже совсем бешеными, и я не стал дожидаться, когда он сорвётся.

– Ну да, как бы такой пропуск, чтобы дальше пройти, – кивнул я Ленке. – Давай предъявляй, да и пойдём.

Ленка плавным движением скользнула к нему, легко уклонившись от попытки её схватить, и выдала серию едва уловимых глазом ударов. До чего же всё-таки она быстрая! А в последнее время я стал замечать, что и Менски дерётся с ней уже всерьёз, выкладываясь на полную, и побеждает больше за счёт опыта.

С грацией тонущего линкора Чертополох рухнул на землю, сделал вялую попытку встать – скорее намёк, чем попытку, – и отключился.

– А ну стоять! – строго сказал я второму, который как-то незаметно оказался уже гораздо дальше от нас, чем был в начале. – Давай бегом к Старой Ондатре и предупреди её, что мы к ней идём. Ну, что замер? Быстро пошёл!

Тот нерешительно попятился, но потом всё же развернулся и неторопливо побежал, то и дело на нас оглядываясь.

– И много у тебя здесь таких знакомых? – поинтересовалась Ленка.

– Половину моих знакомых ты уже увидела. Ещё Добрый Крот, он нормальный парень, ну и сама Ондатра. Они тут не очень коммуникабельные, не сильно хотят знакомиться. Ладно, пойдём. Но торопиться не будем, дадим Ондатре время нарядиться-накраситься.

– Как же здесь красиво! – с восхищением сказала Ленка, когда мы углубились чуть подалее в лес. – Нашему лесу до этого далеко.

– В глубине ещё красивей, меня Крот в прошлый раз поводил по разным местам. А наш-то лес ещё совсем молодой, что их сравнивать.

Мы шли медленно, озираясь по сторонам, как туристы. Местные нас не беспокоили, хотя я постоянно ощущал их внимание. На глаза они, однако, не показывались. Так мы и добрались потихоньку до той самой поляны, на которой обнаружилась и сама Старая Ондатра. Нарядиться и краситься она явно сочла излишним.

– Ну и за каким ты сюда припёрся? – кисло спросила она меня.

– Тоже рад тебя видеть, Ондатра! – радостно сказал я. – Познакомься, это моя жена Лена. Лена, это та самая Ондатра, про которую я тебе так много рассказывал.

– Говори быстрее, что тебе надо, и валите оба отсюда, – поморщилась она.

– Да я сам век бы тебя не видел, Старая, – вздохнул я, усаживаясь на стул-пенёк. – Но увы, нам с тобой теперь придётся как-то уживаться.

– Что ты имеешь в виду? – мгновенно насторожилась Ондатра.

– Драгана всем нам преподнесла сюрприз, – развёл я руками. – Отправилась к ханьцам и, похоже, надолго. На несколько лет как минимум. Свои обязанности и имущество свалила на меня, так что придётся вам теперь иметь дело со мной.

– А я хочу иметь дело с тобой? – жёлчно осведомилась она.

– А у тебя есть другой вариант? – удивился я. – Вообще-то, я буду только рад, если вы без меня обойдётесь. Я здесь только потому, что Гана с князем свалили это дело на меня. А если вам никакой защиты не надо, то и замечательно – я возвращаюсь к князю, говорю ему, что вы договор расторгли, и всё, мы с тобой оба свободны, как птицы.

– И алхимия вам больше не нужна? – ехидно осведомилась Ондатра.

– Ты думаешь, на тебе свет клином сошёлся, Старая? – усмехнулся я в ответ. – Племя Вербы помнишь? Я их взял под свою руку, они мне присягнули. Поставляют разное, подать платят как положено.

– Что ты врешь! – с шокированным видом возмутилась она.

– Ты из ума, часом, не выжила? – заботливо осведомился я. – Ты вроде должна знать, что такие, как мы, не врут. Умолчать можем, уклониться от ответа можем, но впрямую врать не станем.

Ондатра замолчала, погружившись в размышления. В эмоциях у неё творился полный раздрай – это и понятно, для неё идея пойти под внешников выглядела совершенно дикой. Особенно в применении к Вербе, которые прославились, как совершенно упёртые консерваторы, и которые с внешниками не хотели иметь вообще никаких контактов.

– Всё равно не верится, – наконец, сказала она, на что я просто молча пожал плечами. – И ты хочешь сказать, что сможешь нам обеспечить защиту вместо Драганы?

– Странный вопрос, Ондатра. Просила бы она меня об этом, если бы я не мог?

– Может, ты просто пытаешься меня обдурить, а она про это и не знает?

– Ну скажешь тоже, – искренне засмеялся я. – Тебе разве не сказали, что я на её дирижабле прилетел? Он теперь мой, кстати.

– Да может, ты его украл.

– Ну да, бесшумно проник в военную часть порта, тихо вышвырнул княжескую команду из дирижабля и улетел. Хотел бы я посмотреть на эту картину.

Ондатра недовольно поморщилась и сменила тему:

– Зачем Вьюнка побил?

– Он Вьюнок? А я его Чертополохом зову. Но в этот раз не я его побил, это она, – я показал на Ленку.

– Дурак потому что, и за языком не следит, – пожалла плечами Ленка.

– Жену сюда зачем-то притащил, – осуждающе заметила Ондатра. – Ты ведь знаешь, как у нас с этим дело обстоит, парни обязательно будут права заявлять.

– Потому и взял её с собой, – улыбнулся ей я. – Пару-тройку дураков убьём, остальные сразу поумнеют. На Драгану же никто права не заявлял? Вот и на мою жену не будут, даже не сомневайся.

Ондатра пожевала губами, размышляя.

– Всё-таки не верится, что ты чего-то можешь, – заявила он. – Продемонстрируй что-нибудь.

– На ком продемонстрировать?

– Ну, на мне хотя бы.

– Ты в самом деле хочешь, чтобы я тебя убил? – поразился я.

– Зачем так уж сразу убить? – сдала назад Ондатра. – Давай без убийства что-нибудь.

– Нет, Ондатра, давай на ком-нибудь другом, – решительно отказался я. – Ты сама подумай – вот отпинаю я тебя, и как мы потом будем друг с другом дело иметь? Унижать партнёра – это последнее дело.

– Убей того, который вон в тех кустах прячется, – предложила Ленка.

– Там ребёнок, не пугай его, – я укоризненно посмотрел на Ленку. – Эй, не бойся, она пошутила. Мы тебя не обидим, – пообещал я, ощутив волну паники из куста.

– Росток, покажись, – приказала Ондатра.

Мальчик высунулся из куста, опасливо косясь на Ленку.

– Беги к Полосатому, – выдала поручение Ондатра, – пусть пришлёт пятерых самых развитых парней из тех, у кого пары нет. Скажешь, что в лес свободную девку привели, можно права заявить.

– Свободную девку привели? – вопросительно поднял бровь я.

– Вот ты и докажешь, что она уже занята.

– Низко же ты меня оцениваешь, – хмыкнул я, – если думаешь, что я не справлюсь с пятью деревенскими увальнями.

– Вот и посмотрим, как справишься, – невозмутимо ответила она.

– Посмотрим, – согласился я. – Только пусть он Доброго Крота не присылает.

– А чего так? – хитро прищурилась Ондатра.

– Да нормальный парень просто, – пожал плечами я. – Помог нам в прошлый раз. Мне он понравился.

– Ладно, – согласилась она и опять обратилась к пацану. – Скажешь, что Крота не надо. Всё, беги.

Мальчик исчез. Мы немного посидели в молчании, темы для разговора как-то не находилось. Так бы и сидели молча дальше, но я вспомнил про подарок.

– За нашими разговорами, душевными такими, совсем забыл, что я тебе подарок привёз, – сказал я, залезая в свою сумку и с трудом вытаскивая цветастую картонную коробку. – Так сказать, в знак уважения, и в качестве символа будущего успешного сотрудничества.

– Ой, какая картинка знакомая, – засмеялась Ленка. – Ты на это пойло запад, похоже.

– Это другое. То было обычное, а у этого двадцать пять лет выдержки, – ответил я и пояснил для Ондатры: – Это киевская настойка, она везде большим спросом пользуется. Мы с Леной и Драганой её в каганат возили. Сам не пробовал, но ценители говорят, очень хороша. Положи эту бутылку на пару месяцев куда-нибудь, где концентрация Силы повыше, чтобы пропиталась как следует. Гана говорила, что твоя самогонка действует, как пуля в голову, а это пойло будет, наверное, как граната во рту.

– Хм, – с сомнением сказала Ондатра, вертя в руках коробку. – Ладно, посмотрим. А моей яблоневки выпьете? Последняя перегонка неплохо вышла.

– Нет, Ондатра, – отказался я. – Мне ещё твоих героев-любowników убивать. И вообще, мы не пьём.

Мимо моего внимания не прошло, что Ондатра приказала прислать не самых сильных, а самых развитых. Тут не нужно быть очень умным, чтобы догадаться, что он пришлёт самых сильных Владеющих, или как там они у лесных называются. В обычной ситуации против пяти полноценных Владеющих мои шансы были бы совершенно ничтожными, но я их источник воспринимаю, как свой, и здесь уже возможны варианты. В крайнем случае, рискну и порежу их разрывом метрики, хотя до этого лучше не доводить, конечно.

– Какая-то у тебя нездоровая заикленность на убийствах, – недовольно заметила Ондатра. – Ты других способов не знаешь?

– Так насколько я понимаю, договор с вами как раз в том и состоит, чтобы в случае чего загенотить нехорошее племя. Драгана говорила, что даже разок такое проделала, разве нет?

– Было дело, – неохотно согласилась она.

– Ну так вот он я – готов к труду и геноциду. Но если ты просишь, то постараюсь никого не убивать. Хотя тут по обстоятельствам надо будет смотреть.

Пока мы таким образом мирно общались, вокруг полянки начал собираться народ. На глаза никто не показывался, но клубки эмоций всё прибавлялись и прибавлялись вокруг.

– Сколько же их тут собралось! – наконец не выдержала Ленка.

– Интересно же людям, у них здесь развлечений мало, – отозвался я. – Главное, чтобы на голову нам никто не свалился, они на деревьях уже, похоже, гроздьями висят.

Ондатра заметно помрачнела.

– Вы людей вокруг как-то чувствовать можете, что ли? – с досадой спросила она.

– И не только, – пожал я плечами. – Ты что – так и не поняла, кто к тебе пришёл? Я при желании могу всё твоё племя уничтожить, а ты взялась какие-то дурацкие состязания устраивать.

Она буркнула что-то неразборчивое себе под нос. Убедить я её пока не убедил, но явно заронил достаточно сомнений.

Наконец, прибыли и претенденты на Ленку. Мы, сидя на наших пенках, с любопытством разглядывали их, пока они строились на полянке. Впечатление они действительно производили – горделивая осанка, решительные лица, можно сказать, цвет леса. Хорошее впечатление тут же подпортил самый здоровый из них, который, глядя на Ленку, ослабил и произвёл характерные движения тазом.

– Вот видишь, – укоризненно попенял я Ондатре. – А ты говоришь, не надо убивать. Ну, я пошёл.

– Нет, Кени, стой, – остановила меня Ленка. – Я сама с ними разберусь. Так оно и нагляднее выйдет.

Она решительно встала, и я почувствовал резкое возмущение Силы. На претендентов как будто упала бетонная плита – часть из них рухнула сразу, другие продержались на ногах несколько секунд, но давление усиливалось, и очень скоро все они оказались в позе раздавленной лягушки, не успев хотя бы изобразить попытку сопротивления. С разных сторон донеслись

приглушённые восклицания зрителей, а Ондатра застыла в потрясении. Ленка неторопливо двинулась к лежащим, а в руке её появился нож.

– Останови её немедленно! – забеспокоилась Ондатра.

– Я не сумасшедший, чтобы вставать между женщиной и её жертвой, – покачал я головой. – Мне моя жизнь пока дорога.

Тем временем Ленка дошла до распластанного грубияна и присев, за волосы вздёрнула его голову вверх с явным намерением перерезать горло. Вокруг нарастала паника и Ондатра не выдержала:

– Лена, остановись, не убивай! – крикнула она, и через силу добавила: – Пожалуйста.

Ленка вопросительно посмотрела на меня. Я развёл руками:

– Мы вроде как с миром пришли. Просто попинай его как следует, отведи душу, и пусть живёт.

Ленка со вздохом спрятала нож, встала и начала обрабатывать хама ногами.

– Жена у меня сильная, – с гордостью сказал я Ондатре, которая мрачно смотрела на экзекуцию. – Только лёгкая, так что не волнуйся за своего придурка, насмерть не запинает, даже искалечить не сможет. А так-то если с ножом, то и с целым племенем можно таким образом покончить.

– Всех перережет? – спросила она, нехорошо посмотрев на меня.

– Нет, – я отрицательно покачал головой, – я ей не позволю. Не хочу, чтобы моя жена такими делами занималась. Я сам всех перережу.

– И ничего у тебя не дрогнет? – прищурилась Ондатра.

– Дрогнет, конечно, – признал я. – Я же не монстр какой-нибудь. Никакого удовольствия я от этого не испытаю, совсем наоборот. Но я сделаю то, что нужно, даже не сомневайся.

Тем временем Ленка, утомившись от педагогических процедур, вернулась к нам и опять уселась на пенёк.

– Отпустить их, Кени?

– Да пусть пока полежат, – махнул я рукой. – Нам они не мешают.

Сказать по правде, я и сам не понял толком, что она сделала. Раньше она использовала для этого какие-то конструкты, но сейчас никаких конструктов видно не было, не прослеживалось даже просто неравномерностей поля. Если бы конструкты были, та же Ондатра наверняка смогла бы их развеять – я хорошо помнил слова Драганы, что старейшины лесных были на уровне Старших Владеющих. Но развеивать было совершенно нечего, и этот факт на Ондатру, без всякого сомнения, оказал впечатление. Да наверняка и на прочих лесных тоже, они же все Владеющие, и конструкты видят.

– Так что ты решила с договором, Ондатра? – потребовал я. – У тебя в гостях хорошо, но у нас и другие дела есть. Подтверждаешь или отказываешься? Только подумай хорошо – если ты подтвердишь договор, а потом решишь его не выполнять, то я приду к тебе с претензией, и не факт, что ты мою претензию переживёшь. Решай с полным пониманием ответственности.

– Надо с другими племенами советоваться, – попыталась увильнуть она.

– У меня нет времени с вами тут манную кашу в ступе толочь, – надавил я. – Реши сейчас за себя, а другие за тобой пойдут – я же знаю, кто затеял с Драганой договариваться. А если кто-то решит договор не продлевать, пусть просто объявит, что отказывается от защиты. Капитан в следующем рейсе узнает кто что решил, и мне передаст.

Ондатра сделала недовольное лицо, поразмыслила ещё немного, и наконец, пришла к решению.

– Ладно, ты меня убедил, что можешь что-то, – неохотно согласилась она. – Договор в силе. Другим тоже передам, что они решат – не знаю. Но я всё равно лучше бы с Драганой дело имела.

– А уж я-то как бы рад был с вами дела не иметь, – сказал я в сердцах. – Думаешь, мне сильно хочется? С деньгами у меня проблем вообще никаких, вы для меня лишняя морока. Просто Драгана и князь меня попросили, и я никак не мог сказать им нет, вот и всё.

– Верю, верю, – проворчала она. – Всё, договор заключён, нечего тут больше обсуждать. А раз так, нам с тобой надо решить, что делать с Ивой, они сильно нас прижимают.

– Ну ты разошлась, Старая, – засмеялся я. – Ты что, решила, что я буду твоих врагов крушить? Вот если они на тебя нападут, тогда я их мужчин поубиваю, а их женщин и детей ты себе заберёшь. А до тех пор решай свои проблемы сама. И помни, что если ты сама на кого-то нападёшь, то я тебе помогать не стану. Уничтожить тебя, может быть, и не дам, но лучше на это не рассчитывай. Мы поняли друг друга?

– Поняли, – недовольно фыркнула она. – Попробовать всё равно стоило.

– А племя Ивы, кстати, под договором или нет? – вдруг пришёл мне в голову интересный вопрос.

– Ну договор с тобой они же ещё не подтвердили, – ничуть не смутившись, ответила Ондатра.

– Однако ловко ты дела проворачиваешь, Старая, – искренне восхитился я. – Нет, так дело не пойдёт – пока они не отказались, договор с ними считается действительным. Даже не думай под шумок кого-то прижать. И раз уж ты такая ловкая, давай сделаем так: в следующем рейсе передай с капитаном список для меня, кто подтвердил договор, и кто отказался. И до тех пор, пока я сам не поговорю с отказавшимися, они будут под моей защитой. Ещё что-то у нас осталось обсудить?

– Всё обсудили, – недовольно буркнула Ондатра.

– Ну мы тогда пошли, пока-пока.

– Эй, постойте, – забеспокоилась Старая Ондатра, – парней-то освободите.

– Вот не стоило бы, – наставительно сказал я. – Полежали бы так месяц-другой, зато уяснили бы, когда стоит к другим со своими половыми проблемами лезть, а когда разумнее своими силами обойтись. Ладно, чисто ради нашей будущей дружбы, Старая. Отпускай этих придурков, Лена.

Обратный путь происходил совершенно без приключений. Мы никого не встретили и даже не почувствовали близости. Наконец, мы вышли из леса, и я смог расслабиться.

– Ну и работка же это, людей дурить, – с облегчением выдохнул я.

– У тебя это неплохо получается, Кени, – заметила Ленка. – Но вообще-то, не так уж сильно ты её и дурил.

– Несильно, – согласился я. – Но несколько раз по краю прошёл. Ты мне здорово помогла, твой подход Ондатру очень впечатлил. Не уверен, что у меня получилось бы так легко и небрежно с теми парнями разделаться, и тогда её гораздо сложнее было бы убедить. Что ты там сделала, и почему никаких структур Силы не было видно?

– Потому что там всё было под землёй. Если не замыкать пространство, как мы делали раньше, а искривлять его в какой-то форме, то средоточие этого искривления начинает всё притягивать, а само искривление фокусирует воздействие.

– Это что получается? Всё же можно таким образом получить гравитацию? – задумался я. – Вообще-то, логика в этом есть, гравитация и искривление пространства неразрывно связаны, да собственно, это одно и то же. А сколько силы это забирает? По тебе было совсем незаметно, чтобы ты сильно напрягалась.

– Я там схитрила, сделала не одну большую фокусную точку, а пять совсем маленьких. Ну и в источнике гораздо легче работать. В нормальном поле Силы я даже таким образом вряд ли смогла бы их дольше пары минут держать.

– Всё равно, – заметил я. – Возможности просто поражают. Интересно, кто-нибудь пространством занимается? Хотелось бы поучиться у знающего человека.

– Алина никого не знает, – с грустью ответила Ленка. – Среди Высших тоже никто не знает, она спрашивала. Приходится самой доходить понемногу.

Глава 6

Идти до дирижабля было совсем недолго, и у нас не было возможности обсудить визит к лесным – мы успели только обменяться несколькими словами до того, как подняться на борт. Сразу же после этого команда начала снимать растяжки и отчаливать, и мы с Ленкой разошлись по своим каютам, чтобы спокойно переждать их суету и перекрикивания. Нормально поговорить нам удалось только через час, когда дирижабль уверенно взял курс на Рифейск, а мы вдвоём переместились в кают-компанию.

– Полетишь сюда снова? – поинтересовалась Ленка, взяв с защёлками только что закипевшего чайника. Конструкция была поистине удивительной – на гранитной плите была смонтирована спиртовка, к которой особыми защёлками крепился специальный чайник. Ленку это устройство тоже удивило – по её словам, на «Фрейе» подобных хитроумных приспособлений не было, и камбуз там мало чем отличался от обычной кухни. Вероятно, такая оригинальная система была разработана специально для маленьких курьерских дирижаблей, которых, в отличие от больших грузопассажирских, временами здорово мотало. На нашей «Бодрой чайке» такого, правда, тоже не было – впрочем, она была настолько крохотной, что ей вообще никакого кухонного оборудования не полагалось.

– Зачем мне сюда снова? – не понял я.

– Ну как зачем? С остальными лесными ведь тоже надо договор подтвердить?

– Нет, с ними ничего не надо подтверждать, – отрицательно покачал головой я. – Никто из них от договора не откажется – все они понимают, что отказавшегося сразу же загрызут соседи. Достаточно было убедить Ондатру, что мы в состоянии договор выполнять, а дальше всё само собой образуется.

– А мы в состоянии договор выполнять? – скептически посмотрела на меня Ленка.

– Мне этот вопрос тоже не вполне ясен, – честно признался я. – Что ты можешь сказать о своих возможностях?

– Зависит от обстановки, – пожалала плечами Ленка. – В лесу, как оказалось, легко могу и пятерых держать. Пожалуй, и немного больше смогу, может даже, до десятка или около того. Наш источник гораздо мощнее, там я, вполне возможно, смогу и Высшую так прижать.

– То есть для блефа хватит, а для геноцида недостаточно, – сделал вывод я. – А если не в источнике?

– Если не в источнике, то эффект не очень сильный, – призналась Ленка. – Я на Генрихе разок попробовала. Он споткнулся и замедлился, ну а я ему как следует вмазала.

– Что за лексикон, Лен? – поморщился я. – Ты при маме не вздумай так выразиться.

– Что я – совсем дура при маме так говорить? Хотя интересно было бы узнать, как она сама в молодости выражалась.

– Попробуй спросить, вдруг скажет, – хмыкнул я. – Только не говори «в молодости», вряд ли она считает себя старухой. Я её, кстати, тоже старой не считаю. Ну ладно, а дальше что было?

– А дальше Генрих мне как следует вмазал, – с грустью сказала Ленка. – То есть эта способность за пределами источника тоже применима, но на Владеющих действует слабо.

– Ну, это не так уж очевидно, что на Владеющих действует слабо, – задумчиво заметил я. – Генрих совсем не показатель, я давно уже понял, что у него ранг сильно занижен. Надо больше информации. И расскажи поподробнее, пожалуйста – что ты делаешь и как?

– Как бы это сказать... – задумалась она, явно пытаясь подобрать формулировку. – Я сначала создаю такой плотный шарик, как бы средоточие, а потом разными цветами задаю направление и форму воздействия.

– Какой-то цветовой код, что ли? – не понял я. – Что-нибудь вроде красный-жёлтый-зелёный?

– Нет, не цвета, а цветы, – терпеливо объяснила Ленка. – Вокруг средоточия как бы образуется цветок. Тычинки направляют силу, и сам цветок определяет форму. Например, если надо направить силу узким лучом, то хорошо подходит тюльпан – бутон надо сжать, и воздействие тоже сфокусируется. Или вот для тех придурков из леса я брала фрезью, у неё воздействие фокусируется, а потом лепестки расходятся и захватывают объект. Но это когда средоточие рядом с объектом. Если объект чуть подальше, то хорошо подходит белоцветник. А если надо совсем широко воздействовать, то лучше всего брать даурскую лилию. Только надо за длиной лепестков следить, а то они загибаются, и получается ещё боковое действие, от него никакого толку нет.

– Оригинально, – ошарашенно сказал я. – Но для меня не очень полезно, Лен, я в цветах плохо разбираюсь. Розу от ромашки отличу, конечно, но это практически мой предел.

– Для ромашки можно применение придумать, – заметила Ленка, – а роза вряд ли для чего-то подойдёт. Но это неважно, ты ведь можешь свои образы придумать. Тебе нужно просто объяснить Силе, что ты от неё хочешь, а будут это цветы или какие-нибудь шестерёнки, для Силы не имеет значения. Главное, чтобы Сила поняла, что ты у неё просишь.

– Примерно ясно, как это делается, – кивнул я. – Только для начала мне самому надо понять, что я у неё прошу. Слушай, а давай так попробуем – сделай что-нибудь простое, а я попытаюсь почувствовать твои ощущения при этом.

– Ну давай попробуем, – с сомнением согласилась она. – Я открылась полностью, скажешь, как будешь готов.

Оказалось на удивление просто объединиться с ней и ощутить её спокойную сосредоточенность. Я сказал: «Готов» и почти сразу же импульс воли сформировал впереди шарик, сияющий от содержащейся в нём энергии. Новый импульс создал лепестки, и я совершенно ясно, как будто глазами, увидел узкий луч, протянувшийся от плотно сжатого бутона. Мгновением позже Ленка быстрым движением руки поймала летящую к ней вилку.

– Здорово у тебя получается, – с восхищением сказал я. – А вот интересно – это действительно гравитация или, скажем, какой-нибудь телекинез?

– Я не знаю, Кени, – пожал плечами Ленка. – Ты умный, ты и разберись, а я не знаю, и даже не особенно интересуюсь. Мне достаточно знать, как это работает...

Я не очень внимательно её слушал, детально, шаг за шагом, вспоминая все её ощущения. В общем-то, выглядело не особенно сложно, и я был уверен, что смогу это повторить. И действительно, шарик средоточия возник без особого усилия, а затем он расцвёл металлическими лепестками, которые плавно загнулись вперёд и плотно сошлись, оставив маленькое отверстие. Ещё одно волевое усилие, и шарик внутри металлического цветка раскрылся.

К счастью, я успел вовремя поймать вилку, которая точно нацелилась зубьями мне прямо в глаз. Но поймать я сумел только вилку – ложка сильно ударила меня пониже другого глаза, а вторая ложка попала мне прямо в бровь. Я непроизвольно сморщился – боль была очень сильной, похоже, эта ложка удачно угодила в какое-то нервное окончание, ну или просто удачно угодила. Потрогал бровь – больно, но сухо. Кровь не шла, рассечения не было.

– ... и если бы ты дослушал меня, Кени, – как ни в чём не бывало продолжала Ленка, – то узнал бы, что с этим надо много тренироваться, прежде чем у тебя начнёт хорошо получаться, и тренироваться нужно очень осторожно, соблюдая все правила безопасности. Правда, мне казалось, что ты сам это мне говорил, но я, наверное, всё перепутала.

– Не перепутала, – виновато вздохнул я. – Это было очень глупо с моей стороны. Не знаю, что на меня нашло.

– Тебе очень повезло, Кени, – серьёзно сказала Ленка. – Повезло, что мы сейчас рядом с лесными, и вокруг их лесов поле Силы почти отсутствует. В нормальном поле ты мог в лучшем случае серьёзно повредить дирижабль, а в худшем – воткнуть эти ложки себе в голову.

Мне оставалось лишь ещё раз виновато вздохнуть. Действительно, что такое на меня накатило, что я даже не задумался о последствиях?

– Я буду очень осторожен, Лен, обещаю. Посмотри, пожалуйста – у меня никакого синяка не намечается?

Я напряжённо ожидал её ответа, пока она внимательно разглядывала моё лицо.

– На щеке под глазом покраснение есть, – наконец сказала она, – но непохоже, что синяк там появится. Если бы удар пришёлся чуть ближе к глазу, красовался бы ты сейчас с роскошным бланшем.

– Повезло, – с облегчением выдохнул я. – Нам же завтра на приём – не представляю, как бы я туда пошёл с синяком под глазом. Да никак бы не пошёл – уж лучше сказать больным, чем превратиться в посмешище.

– Погоди, какой ещё приём завтра? – нахмурилась Ленка.

– Будем знакомиться с высшим светом Рифейска.

– А там есть высший свет?

– Высший свет везде есть, даже в деревне Видогощь.

– Это откуда Смела родом? А там-то какой высший свет?

– Староста деревни, старшина общины и хозяин деревенской лавки. Чем тебе не высший свет отдельно взятой деревни? Лен, ну что за глупые вопросы? Я же тебя предупреждал, что будет приём, и что надо взять платя.

– Ты говорил, что есть такая вероятность, а сейчас ты говоришь, будто это точно будет.

– После того как я тебе это сказал, я разговаривал со Стефой. И как только я между делом упомянул, что мы вскоре будем в Рифейске, эта вероятность сразу же превратилась в неизбежность. Так что приём обязательно будет.

– Стефа так сказала? – с любопытством посмотрела на меня Ленка.

– Нет, Стефа вообще никак не отреагировала, – улыбнулся я. – Но такой вывод очень легко сделать.

– Объясни, – потребовала она.

Ну что – попробуем поиграть в Шерлока Холмса и доктора Ватсона? Как у этой парочки принято – «это же элементарно, Ватсон», – и тот только и мог хлопать глазами в восхищении от дедукции, или чем там Шерлок бедного доктора поражал.

– Когда мы были в Рифейске прошлый раз, Анна Ренская сказала мне, что её известили о нас через пятнадцать минут после того, как мы заселились в гостиницу. О чём это говорит?

– О чём?

– О том, что Анна контролирует обстановку в городе. О том, что Ренские не сидят замкнуто в своей зоне, а ведут общественную жизнь и пользуются влиянием. А стало быть, она сможет заметно поднять свой статус и статус рода, устроив приём, на котором она представит рифейскому обществу главу влиятельного аристократического семейства, который является не только другом рода, но и внуком Матери рода. А учитывая, с каким показным равнодушием Стефа восприняла известие о моём будущем посещении Рифейска, Анне она позвонила сразу же после того, как закончила разговор со мной.

– Превосходно выполненный логический вывод, Кени, – согласилась Ленка. – Но кое-что здесь всё-таки не вяжется. В наше прошлое посещение Рифейска ты тоже был главой семейства и внуком Ольги, но даже сама Анна Ренская по этому поводу не особенно возбуждалась, а уж местные вообще тебя проигнорировали. Либо ты выдаёшь желаемое за действительное, либо в этом деле есть ещё какой-то момент.

Мой доктор Ватсон совсем не спешит восхищённо хлопать глазами, и это даже немного обидно. Что ни говори, а Ленка – умница, и вдвойне умница, что свой ум выставляет напоказ совсем нечасто.

– Ты права, милая, нашу семью действительно мало знают за пределами столицы, – улыбнулся я ей. – И ты совершенно верно догадалась, что есть ещё один маленький нюанс, который отличает наш нынешний визит от прошлого. Если тогда я для местных был всего лишь каким-то столичным мажором, то сейчас я являюсь специальным представителем князя, и у меня есть полномочия отдавать распоряжения рифейскому наместнику – в очень ограниченных пределах, конечно, – а также приказывать командиру гарнизона – разумеется, тоже в достаточно узких рамках. Ренских никто об этом не информировал, но мы ведь уже знаем, что Анна держит руку на пульсе, и о важных новостях узнаёт вовремя.

* * *

Марина Земец с удивлением оглядела довольно заметную толпу. Посыльный просто передал ей приказ явиться на полигон – допытываться у него, зачем, было бесполезно, он и сам ничего не знал. Гадать Марина не стала, да от гаданий всё равно не было бы никакого толку – она и сейчас не могла даже предположить, зачем на полигоне собрали всех Владеющих, причём только их. Определённо не для боевой операции – Владеющий по уставу должен действовать исключительно с пехотной поддержкой, усиленной как минимум лёгким бронеходом.

– Оля, привет, – она углядела знакомое лицо бывшей одноклассницы.

– О, Марин, они и тебя вытащили? – удивилась та.

– Передали приказ явиться, – кивнула Марина. – Не знаешь, что здесь намечается?

– Никто не знает, – удручённо откликнулась Оля. – Я только хотела по-тихому со службы слинять, и вдруг пришёл приказ собраться на полигоне. Хорошо хоть слинять не успела, а то замучилась бы потом объяснительные писать. Надеюсь, это ненадолго.

– Если дома проблемы какие-то – попроси отпустить. Держать не будут.

– Да нет дома никаких проблем, – слегка смутилась та. – Просто с симпатичным мальчиком познакомилась, он пригласил на ужин. Надо собраться, глазки подвести, то-сё.

– Романтический вечер? – подмигнула ей Марина.

– Возможно, – хитро улыбнулась та. – Надо посмотреть, как улаживать будет.

Они помолчали, глядя на неторопливое мельтешение толпы.

– А вон и Марта, – заметила Марина знакомые рыжие косички, мелькающие неподалёку. – И она тоже здесь!

– Да все наши здесь, контрактов давно не было. Прямо отпуск какой-то, подольше бы их не было.

Толпа вокруг вдруг оживилась и задвигалась, когда из проходной появился Станислав Лазович. Окинув всех строгим взглядом, он слегка поморщился и приказал:

– Всем построиться в одну шеренгу.

Лазович, страдальчески морщась, наблюдал, как Владеющие, толкаясь, пытались построиться. Наконец, они сумели образовать неровную шеренгу.

– Не армия, а гражданское стадо какое-то, – брезгливо прокомментировал он. – Надо бы вам хоть какую-нибудь строевую подготовку организовать, что ли. Не дай боги, господину такое позорище покажете, мне только застрелиться и останется.

Он достал мобилку и коротко сказал: «Всех собрали, ждём вас».

Личный состав с любопытством ожидал дальнейшего. Беды никто не ждал, и когда из проходной появился Генрих Менски в сопровождении своих помощниц Леи с Эммой, все оцепнели от неожиданности. Годы прошли, но их никто не забыл.

– Все здесь, господин Генрих, – Лазович широким жестом указал на шеренгу. – Они ваши, работайте. – И не тратя больше слов, развернулся и двинулся обратно к проходной.

– Вы бы только знали, как я счастлив всех вас видеть снова! – радостно объявил Генрих, обводя неровный строй добрым взглядом крокодила. – Я грустил! Я вспоминал ваши лица, все ваши лица до единого, и грустил! Как они там? – думал я. Как они без моей поддержки где-то там, в этом жестоком мире?

Эмма с Леей цвели улыбками, а Лея даже хохотнула. Каждый студент боевого факультета прекрасно знал о любви Леи Цветовой к солдафонскому юмору, и что ей бывает смешно только в том случае, если кому-то рядом совсем не смешно. Вот как сейчас.

– Но я встретил Кеннера Арди и поделился с ним своим горем. И знаете, что он сказал мне? Он сказал мне: «Господин Генрих, я знаю, как вернуть вам улыбку». И вот я здесь, и мы снова вместе!

Цветова откровенно заржала.

– Гени, да ты только посмотри на эти кислые рожи, – сквозь смех проговорила она. – Они же наверняка привыкли здесь лениво пузо почёсывать, и вдруг такой нежданчик.

– Да, Лея, ты права, детка, – печально согласился Генрих. – Я вижу здесь прискорбно мало энтузиазма. Моя любовь осталась безответной, но я не отчаиваюсь. Давайте попробуем вбить немного любви в этих бездельников, девочки.

– А может быть, они не такие уж бездельники? – внезапно подала голос Эмма, которая до этого лишь молча улыбалась. – А может быть, они всё это время совершенствовались? Может, они уже почти Высшие?

– А ведь и впрямь, – озадачился Генрих. – Может, это нам надо у них учиться? А давайте проверим! Кто тут у нас чемпион?

Он медленно обводил взглядом строй, и под его взглядом опытные Владеющие чувствовали себя очень неудобно. Его взгляд задержался на Марте Кох, и та совершенно непроизвольно сделала маленький шагок назад.

– Я знаю, что ты всегда мечтала меня избить, рыжая, – ласково сказал ей Генрих. – Такая возможность у тебя будет, может, даже прямо сейчас.

Та сделала ещё шагок назад, но его взгляд уже пошёл дальше.

– Кого я вижу! – радостно воскликнул Генрих. – Да это же Марина Земец, наша звезда и надежда! Вот она наверняка уже почти Высшая! Ведь да? Ведь правда? Почти Высшая?

Марина мрачно смотрела на него, не отводя взгляда.

– Хоть у кого-то здесь виден воинский дух, – одобрительно заметил Менски. – Ну, выходи из строя, Земец, выбей песок из старика Генриха.

Выбивать именно из этого старика песок Марине вовсе не хотелось, но за пять лет в Академиуме она твёрдо усвоила, что не стоит и пытаться уклониться от боя. Будет то же самое, только гораздо большее и унижительнее. Она вышла из строя и встала напротив Менски.

– Ну давай, покажи мне, что ты умеешь, – поощрительно сказал тот.

Поколебавшись мгновение, она нанесла первый удар. Земля под ногой у Генриха слегка дрогнула, но на этом всё и закончилось. Он никуда не провалился.

– Это просто смешно, Земец, – презрительно сказал он. – Ты всерьёз рассчитывала достать меня моим любимым приёмом? Ладно, ещё одна попытка, а потом жалеть не буду.

Марина молча стиснула зубы и сосредоточилась. Тонкая струя до предела сжатого воздуха со звонким хлопком ударила в Генриха и рассеялась без всякого вреда. Он насмешливо поднял бровь. Следующая попытка оказалась не успешней предыдущих. Менски позволил ей ещё пару попыток, тоже закончившихся ничем, а потом одним быстрым движением шагнул к ней и от души пнул ногой в живот. Пока Марина скорчившись валялась на земле, пытаясь вдохнуть хоть глоток воздуха, Менски вещал, заложив руки за спину и прохаживаясь взад и вперёд.

– И что мы здесь видим? – назидательным тоном говорил он. – Мы видим здесь тупую овцу, которая так увлеклась бесполезными атаками, что полностью забыла про защиту. В результате ей хватило одного простого пинка в живот. Для того чтобы вырубить вас пинком в живот, даже не нужен Владеющий, это может сделать кто угодно! Посмотрите на Земец и никогда не позволяйте такое с собой проделать. Во-первых, это эффективно выключит вас из сражения, во-вторых, это просто больно, а в-третьих, женщинам вообще надо быть с этим осторожнее. Живот надо защищать всегда! Остальное, кстати, тоже.

Он посмотрел на Марину, которая кое-как сумела подняться на ноги, и махнул ей рукой, указывая встать в строй.

– Я видел таких, как вы, много раз, – продолжал Менски. – Вы получили ранг, стали Владеющими и позабыли боевую практику, как страшный сон. Зачем ей заниматься? Это трудно и больно, а вы же теперь Владеющие, вы воюете конструктами. Вот только если вы столкнётесь с кем-то, кто тоже знает конструкты, но вдобавок умеет драться, то вы неизбежно проиграете. Вас же не просто так учили драться. Ничто так не отвлекает от построения конструктов, как хороший удар в голову, или вот пинок в живот. Вы закончили Академиум, у вас было несколько лет реальной практики, и что я вижу? Вы, возможно, стали лучше в построении конструктов и прочем таком, но как бойцы, вы скатились вниз. Зачем я столько лет вбивал в ваши тупые головы, что боевик развивается в бою? А в бою хороший удар не менее важен, чем конструкт. Построением конструктов развивается ремесленник, для вас это дорога назад.

– Знаешь, Земец, – он снова обратил внимание на Марину, – твоя госпожа всего лишь студентка-третьекурсница, но случись вам с ней сразиться всерьёз, я на тебя ни за что не поставил бы. Она тебя просто размажет. Потому что она боец, а ты ремесленник.

– Ваш господин попросил меня подтянуть вас, – продолжал он, – и я это сделаю. К концу лета вы просто обязаны показать заметное улучшение. Вот сейчас и начнём. Для начала разминка – направо! Бегом марш!

* * *

Двумя днями позже.

– Стас, вот ты мне и нужен, – остановил Лазовича его начальник штаба Олег Жилин.

– Чего тебе, Олег? – откликнулся Станислав, на ходу просматривая какие-то бумаги.

– Ты мне скажи – что с нашими Владеющими случилось?

– А что с ними случилось? – непонимающе нахмурился тот, наконец оторвавшись от бумаг.

– Я от них уже прячусь, а они меня всё равно находят, – с досадой сказал Жилин. – Я работать не могу из-за них. Сделай что-нибудь.

– Чего они от тебя хотят? – поразился Станислав.

– На контракт хотят поехать.

– Так нет же контрактов.

– Вот я это каждому и объясняю. Каждому! Что мы опоздали к началу сезона, что все контракты уже разобраны, что в ближайшее время вряд ли что-то откроется.

– А они что? – заинтересовался Лазович, широко улыбаясь.

– Умоляют вспомнить именно о них, если вдруг откроется какой-нибудь контракт. Хоть какой, хоть куда. Так что с ними такое случилось? С ума сошли все разом?

Станислав захохотал.

– Заскучали бойцы по настоящему делу, – проговорил он сквозь смех. – Знаю я, с чего они вдруг службой загорелись, да чтоб подальше отсюда. Ладно, Олег, расскажу тебе, вместе посмеёмся. Пойдём только ко мне, а то к тебе опять кто-нибудь завалится.

Глава 7

За время нашего отсутствия Рифейск лучше не стал – тот же унылый пыльный провинциальный городок. Могу себе представить, насколько унылым он станет поздней осенью, если даже в разгар лета из него хочется побыстрее уехать.

Впрочем, я несправедлив к провинциальным городам – если власти города воруют умеренно и не особо увлекаются типовой застройкой, то он вовсе не производит тягостного впечатления. Многие находят прелесть именно в тихих провинциальных городах – всё-таки столичное бурление нравится далеко не каждому. Но Рифейск был как раз одним из тех городов, на которые плевать всем – от городских властей до последнего жителя, – и это было заметно везде.

Когда я уже собирался встать на подъёмник, меня задержал капитан.

– Эээ, господин Кеннер, – нерешительно начал он. – Прошу простить, что не сообщил вам сразу, но дело в том, что недалеко от Рифейска нас обстреляли, и мне нужны ваши инструкции. Должен ли я заявить об этом властям, или же лучше держать этот факт в секрете?

– Обстреляли? – удивился я. – А почему вы мне сразу об этом не сказали?

– Ущерба практически не было, – замялся капитан. – Я решил, что не стоит волновать вас без серьёзной причины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.